

ШЕДЕВРЫ ДЕТЕКТИВА #1

АНДРЕАС ГРУБЕР

A doll with a bloody face and torso, suspended in a dark forest. The doll has long brown hair and a large, wide-eyed, staring expression. Its torso is open, revealing a bloody interior with visible stitching. A red ribbon is tied around its neck. The background is a dark, misty forest with tall, thin trees and fallen leaves on the ground.

СКАЗКА О СМЕРТИ

ЭТО ДЕЛО ВЕДУТ САМЫЕ ЛУЧШИЕ СЛЕДОВАТЕЛИ.
НО УБИЙЦА ПОЧЕМУ-ТО ВСЕГДА НА ШАГ ВПЕРЕДИ...

Андреас Грубер

Сказка о смерти

Серия «Мартен С. Снейдер», книга 3

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39471517

Сказка о смерти: роман /Грубер Андреас: Центрполиграф; Москва;

2019

ISBN 978-5-227-08707-2

Аннотация

В Берне обнаружен труп женщины с загадочным символом, который убийца вырезал у нее на груди. Однако это не единственная его жертва. Голландский профайлер Мартен С. Снейдер и комиссар БКА Сабина Немез открывают охоту на преступника, но кажется, что убийца всегда на шаг впереди. Между тем молодой специалист в области психологии Ханна приезжает в «Штайнфельз», тюрьму для преступников с психическими отклонениями. Она должна проводить сеансы групповой терапии. Но ее интересует один-единственный заключенный – Пит ван Лун. Когда-то Снейдер упрятал его за решетку. Так и опытные следователи, и начинающий психолог оказались втянуты в дьявольскую игру, в которой не будет победителя.

Содержание

Пролог	4
Часть первая	9
1	9
2	20
3	25
4	31
5	44
6	49
7	67
8	81
9	97
10	110
11	117
12	127
13	143
Конец ознакомительного фрагмента.	152

Андреас Грубер

Сказка о смерти

Посвящается Хайдемари

Спасибо за последние девятнадцать лет.

«Наш злейший враг — это мы сами».

Пословица

Пролог

Пятью годами ранее

Мартен С. Снейдер стоял на утесе и не отрываясь смотрел на море. Брызги от волн, разбивавшихся о скалы, подлетали так высоко, что он ощущал легкую соленую морось на лице. Утреннее солнце еще пряталось за туманом, но ветер уже начал проделывать первые прорехи в серой массе.

В небе над Снейдером пронзительно кричали чайки. Их что-то напугало. Он посмотрел вниз на маленькую пристань, где также располагалась железнодорожная станция острова-тюрьмы Остхеверзанд. По узкой горной дороге, которую он час назад одолел пешком, как раз поднималась машина.

Автозак. В нем везли трех заключенных, но Снейдера интересовал только один из них.

Он щелчком отбросил окурок в скалы. Несколько секунд пахло марихуаной, а потом в воздухе остался лишь привычный запах морских водорослей, птичьего помета и мидий, облепивших скалы и омываемых пенящимися морскими волнами.

Снейдер отошел от скал и спрятался в тени высокого здания, стоящего позади него. В следующий момент подъехал автозак и, хрустя гравием под колесами, остановился у ворот.

Из здания исправительного учреждения вышли два сотрудника в униформе. Без огнестрельного оружия, но с тазерами, газовыми баллончиками и дубинками. По их лицам Снейдер понял, что – если потребуется – они без колебаний жестоко изобьют заключенных. Здесь не было туристов, снимающих видео на мобильные телефоны.

Дверь автозака открылась – сначала из машины вылезли двое мужчин в униформе, следом за ними трое заключенных в серых комбинезонах. На ногах у них были кандалы, двое держали перед собой закованные в наручники руки. Третий также был в наручниках – правда, руки ему сцепили за спиной. Вот из-за этого мужчины Снейдер и приехал сюда. Он должен был убедиться, что того действительно упрячут – и навсегда – в это специальное заведение: тюрьму строгого режима для преступников с психическими отклонениями.

Снейдер сделал шаг вперед, обратился к сотрудникам и указал на Пита ван Луна:

– Вам стоит посильнее затянуть ему наручники. И проверьте его рот.

– Уже проверили. Мы делаем это не в первый...

– Я тоже! – перебил Снейдер мужчину. – Осмотрите его жевательные зубы! – Он уже сталкивался с самыми невероятными тайниками у заключенных.

– Да, сделаем, – вздохнул мужчина.

Охранники обменялись какими-то документами, затем заключенных провели к воротам, где их встретил персонал тюрьмы.

– Будете говорить, когда вас спросят. И двигаться только по приказу. Поняли? – прорычал один из сотрудников. – А теперь вперед!

Никто из заключенных не кивнул, но двое последовали указаниям. Кроме одного. Пита ван Луна.

«Да входи же!» – подумал Снейдер, но Пит по-прежнему не шевелился. Просто стоял там – повел носом, посмотрел вниз на воду и глубоко вдохнул, словно хотел еще раз насладиться соленым морским воздухом. В этот момент пелена тумана полностью разошлась, и море заблестело на солнце. Ван Лун медленно повернул голову и взглянул на Снейдера. При этом порыв ветра растрепал его светлые волосы, так что пряди упали ему на лоб. Он произнес одно предложение на голландском, которое ветер подхватил и донес до Снейдера.

– Молчать! – прикрикнул один из охранников. Ван Луна схватили за предплечья и подтолкнули вперед.

Тот еще раз обернулся к Снейдеру и едва слышно что-то ему прошептал. Снова по-голландски. Лишь по губам Снейдер понял, что было сказано. В следующий момент Пит ван Лун исчез за воротами.

После того как охранники из автозака вошли в здание тюрьмы и ворота заперли, из машины вылез водитель, размял ноги и подошел к Снейдеру.

– Это вы Мартен Снейдер?

– Мартен С. Снейдер, – исправил тот и вставил в рот очередную сигарету.

Водитель сунул руку в карман куртки и вытащил узкий конверт, который протянул Снейдеру.

– Один из заключенных попросил меня передать вам это.

Белоснежный конверт был аккуратно заклеен. Ни отправителя, ни получателя.

– Который? – спросил Снейдер, хотя уже знал ответ.

– Высокий голландец с широкими плечами.

– Спасибо.

– А откуда он знал, что вы здесь будете?

– Он не знал. – Снейдер, не распечатывая, сунул конверт во внутренний карман пиджака.

– Не хотите открыть?

– Возможно, я никогда его не открою, – ответил Снейдер. – Вы сейчас поедете обратно вниз? На пристани меня

ждет катер.

Мужчина кивнул.

– Мне сказали забрать вас. Но в машине запрещено курить.

Снейдер уставился на тлеющий косячок.

– То, что я курю, везде запрещено.

– Я так и подумал. – Водитель приподнял брови. – Что сказал вам мужчина?

Снейдер медленно выпустил дым через ноздри и прищурился.

– «Мы с тобой еще не закончили», – перевел он. – Остальное не важно.

Снейдер выбросил сигарету и забрался в автозак.

Часть первая

Берн... Сегодня

1

Четверг, 1 октября

Свинцово-серые воды реки Аре лениво текли через город, закручиваясь вокруг массивных опор старых каменных мостов. Как только солнце поднимется над лесистой горой, на которой стоит замок, река заиграет бирюзой.

Рудольф Хоровитц обожал этот вид. Укутавшись в стеганое одеяло, он сидел перед открытым окном своей квартиры и смотрел на гору. До этого дня осень была скорее теплая. Но скоро все изменится. В новостях сообщили о надвигающемся холодном фронте. Тогда его старые кости снова зануют. Он поднял воротник свитера и наклонился ближе к окну. Хоровитц любил свежий запах раннего утра. Прежде он каждый день выходил на пробежку перед первой чашкой какао, но пять лет назад перестал. Теперь он проводил утренние часы по-другому.

Он сунул руку в бумажный пакет, достал хлебные крош-

ки и бросил воркующим голубям, которые расхаживали по балконному ограждению его соседа этажом ниже. Тот ненавидел его за это, чему Хоровитц радовался. Для того, кто бил свою молодую жену, голубиный помет на балконе – меньшее, чего он заслуживал.

Сотовый телефон Хоровитца зазвонил. Он мельком взглянул на дисплей, но торопиться не стал. Он знал этот номер. Если звонит Бергер, значит, все хреново. Бросив голубям еще одну горсть хлебных крошек, он нажал на кнопку.

– Хоровитц, – буркнул он.

– Доброе утро, – поприветствовал его Бергер. – Полагаю, ты очень занят.

– Как всегда. – Хоровитц высыпал оставшиеся в бумажном пакете крошки из окна. Один любопытный голубь даже запрыгнул на его карниз. Хоровитц прогнал птицу. «Внизу хоть все засри. Но не здесь.

– Можешь подойти к мосту у нижних ворот? – спросил Бергер.

– Я больше не на службе.

– Знаю, но... ты нам нужен.

– Мне потребуется довольно много времени, чтобы туда добраться.

– Машина уже на пути к тебе. Большой удобный вэн. Твои бывшие коллеги тебя заберут.

– Похоже, вам сильно приспичило.

– Когда увидишь, поймешь почему. До скорого.

Хоровитц закрыл окно, затем поехал на своем инвалидном кресле в гостиную и достал из старого пыльного чемодана камеру и диктофон.

Мост у нижних ворот, самый старый каменный мост в Берне, был построен в пятнадцатом веке. Он состоял из трех массивных арок, которые тянулись над рекой Аре и связывали центр города, расположенный на узком длинном полуострове, с другим берегом.

Пожарная служба соорудила рядом с мостом металлическую платформу на опорах, стоящих в реке. Движение по мосту было закрыто, и транспорт направляли в объезд. Территория вдоль берега тоже была перекрыта, чтобы зеваки и любопытствующие не мешали работе уголовной полиции. Но нельзя было запретить людям пялиться из окон или стоять на своих террасах и рассматривать в бинокль мост и возведенную рядом конструкцию. В Интернете наверняка уже появились первые видео.

Хоровитц проехал в инвалидном кресле через открытую сдвижную дверь полицейского минивэна, спустился по рампе и был тут же встречен Бергером. На том был костюм, галстук, черное стеганое пальто, а на висках – с тех пор как Хоровитц видел его пять лет назад – появилась седина.

– По какому поводу такой нарядный? – спросил Хоровитц, который не успел переодеться и так и остался в вязаном свитере и коричневых фланелевых штанах.

Бергер проигнорировал комментарий.

– Доброе утро, Рудольф, – лишь сказал он.

– Боже мой, как ты постарел, – пробормотал Хоровитц.

Бергер держал себя в руках.

– Да, я тоже рад тебя видеть. – Вообще-то он мог сказать что угодно, потому что, будучи прокурором кантона Берн, не был обязан ни перед кем отчитываться. Но похоже, с годами он стал спокойнее.

Вместо того чтобы ввязаться в словесную перепалку с Хоровитцем, Бергер указал на молодого, лет тридцати, полицейского, который стоял рядом с ним и, очевидно, руководил следствием.

– Это начальник комиссариата Рюти из федпола.

Хоровитц прищурился. Федеральная полиция?

– А что с экспертно-криминалистическим отделом кантона Берн?

Бергер помотал головой.

– Не в его компетенции. Я сразу поручил расследование федполу.

Хоровитц кивнул. Уголовное управление федпола расследовало напрямую лишь в тех случаях, когда дела обстояли совсем плохо или когда времени в обрез и прокуратуре необходимо было избежать бюрократических формальностей.

Молодой мужчина с рыжими волосами, веснушками и торчащими ушами был одет в удобные джинсы и ветровку. Он протянул Хоровитцу руку, которую тот, однако, не по-

жал.

– Приятно с вами познакомиться, рад, что вы нашли время...

– Скажи парню, чтобы перестал лизать мне задницу. Бергер посмотрел на своего молодого коллегу и едва заметно покачал головой.

– Он не любит здороваться за руку.

– Понимаю. – Рюти отвел руку.

Бергер снова обратился к Хоровитцу:

– Даже на пенсии ты остаешься лучшим профайлером и знаешь психологию всех серийных убийц. Поэтому я хотел попросить тебя немного...

– Вы считаете, что действовал серийный убийца?

Бергер взглянул в сторону моста.

– Очень похоже на то. Я много чего повидал, но такого никогда. Пока устанавливали платформу, мы с людьми из федпола обсуждали место преступления и на лодке обследовали каждый уголок. Но так и не поняли.

Хоровитц вопросительно взглянул на него.

– Чего не поняли?

– Чего добивается убийца? Почему здесь? Почему так? Почему сегодня? И почему именно эта жертва?

– Давайте посмотрим, – предложил Хоровитц. Бергер сунул руки в карманы пальто и посмотрел в сторону своего автомобиля на другой стороне дороги.

– Криминалисты как раз начали работать, – объяснил

он. — Я бы с удовольствием сопровождал тебя к месту преступления, но мне нужно на пресс-конференцию.

— По этому поводу?

— Да, по этому. Рюти тебе все покажет. Вы наверняка найдете общий язык.

— Обязательно, — проворчал Хоровитц. — У меня полная свобода действий?

— Да. Я должен идти. — Бергер коротко сжал Хоровитцу плечо. — Спасибо. — Затем бросил Рюти успокаивающий взгляд и поспешил прочь.

Хоровитц смотрел вслед Бергеру — как тот направился к своей машине и, сделав несколько шагов, уже взволнованно заговорил что-то в сотовый телефон.

— Все время в стрессе, — вздохнул Хоровитц. — Хотите знать, скучал ли я по этой работе? Нет, ни одной минуты. — Он с нетерпением посмотрел на Рюти. — Ну?

— Мне отвезти вас туда?

— Нет, черт возьми, принесите мне стаканчик горячего какао. И побольше молока и меда, чтобы ложка стояла. Мне необходим сахар, когда я думаю.

— Я был приветлив с вами лишь потому, что вы легенда и хороший друг прокурора Бергера, но я вам не...

— Побольше молока и меда, — повторил Хоровитц.

Рюти продохнул.

— Я не знаю, где... То есть...

Хоровитц огляделся. Кафе еще не открылись.

– Ладно, забудьте, – пробурчал он. – Пойдемте со мной.

Он развернул инвалидное кресло, несколькими резкими движениями направил его к рампе и с размаху заехал передними колесами на платформу. Под мостом был пришвартован катер речной полиции, и двое сотрудников устанавливали на корме штатив для прожекторов.

Еще один мощный рывок – и кресло-коляска Хоровитца всеми четырьмя колесами оказалось на платформе у первой арки моста. С тех пор как пять лет назад он оставил службу и пересел в инвалидное кресло, его когда-то мускулистые ноги превратились в тоненькие палочки. С самого начала он намеренно отказался от электропривода, который ему наверняка бы оплатило Федеральное ведомство полиции. Не желал зависеть от аккумулятора или быть обездвиженным из-за короткого замыкания, он хотел сам распоряжаться своей судьбой. За короткое время его руки стали сильнее, а на ладонях образовались грубые мозоли. Так что можно сказать, он был в лучшей физической форме, чем многие семидесятилетние – по крайней мере, выше пояса.

Хоровитц докатил до первой арки из массивного камня и остановил кресло-коляску. Здесь пахло затхлой водой. Несколько ворон сидели на балочном перекрытии под сводом, другие в возбуждении кружили вокруг. Хоровитц проехал по металлическому помосту в тень моста. Мгновенно повеяло прохладой, но настоящее внутреннее оцепенение Хоровитц испытал при виде трупа. От него исходил совсем

другой холод, который перехватывал горло.

На месте уже работали фотограф, судмедэксперт и два криминалиста в белых комбинезонах. На мгновение свет прожектора ослепил Хоровитца. Один из мужчин как раз размотал провод с кабельной катушки. Здесь кипела работа и царило оживление, как на центральном вокзале.

– Знаете, что я думаю... – начал Рюти.

– Сколько вы уже в уголовной полиции? – перебил его Хоровитц, не отрывая глаз от трупа.

– Три года и один год в группе по расследованию убийств.

– Вы сможете что-то там себе думать, когда проработаете на этой службе двадцать лет, – отрезал Хоровитц. Сейчас этот чересчур рьяный паренек был нужен ему, как прыщ на заднице.

Хоровитц заворуженно смотрел на спину убитой. Как убийца перенес ее сюда? И почему именно на это место?

Ворона пролетела низко над головой Хоровитца, едва не задев его. Хоровитц любил животных, но ненавидел ворон. Этих стервятников. Очевидно, труп висел здесь с ранней ночи, потому что воронье кое-где уже выклевало из него куски мяса.

На вид обнаженной женщине было около пятидесяти. Она висела на собственных длинных волосах, примотанных сверху к перекрытию моста. Одна ворона слетела с плеча трупа, привела его в движение, и убитая развернулась лицом к Хоровитцу. Глаз у нее уже не было, черты лица обвисли... это

лицо! Проклятье!

Он знал эту женщину. Теперь понятно, почему уголовная полиция торопилась и уже собрала пресс-конференцию.

– Твою мать, – вырвалось у него.

– Я хотел бы... – начал было Рюти.

– Не сейчас! – Хоровитц подъехал ближе. Что это на животе убитой? – У вас есть фонарик?

– Да.

– Давайте сюда! – Хоровитц вытянул руку, не отводя взгляда от трупа. Рюти дал ему фонарик, и Хоровитц направил луч света на живот трупа. – Твою мать, – снова прошептал он. От жуткого дежавю по спине пробежала дрожь, которую он ощутил бы и в пальцах ног, если бы по-прежнему чувствовал их. – Скажите своим людям, чтобы они немедленно прекратили работу, – приказал Хоровитц.

Рюти вытаращился на него.

– Чтобы они что сделали?

– О господи! – Хоровитц подъехал к парапетному ограждению платформы. – Эй, вы! Оставьте все и убирайтесь отсюда.

– Что? – крикнул один из мужчин.

– Вы глухой? – закричал Хоровитц. – Все слушайте меня! – Он хлопнул в ладоши. – С этого момента вы прикасаетесь лишь к тому, что принесли. Вы немедленно пакуете свои штативы, лампы и кабельные катушки и возвращаете все в первоначальное состояние. А затем покидаете место

преступления, понятно?

– Послушайте, – сказал один из мужчин. – Я судебный медик и отвечаю за то, чтобы труп...

– Мне плевать, кто вы. Хоть президент Швейцарии. Соберите свое барахло и исчезните отсюда.

Мужчины уставились на него.

– А вы кто такой?

– Тот, кто раскроет это дело. Если вас что-то не устраивает, жалуйтесь прокурору. А теперь убирайтесь. – Хоровитц наклонился вперед в своем инвалидном кресле. – И вы из речной полиции тоже, – крикнул он вниз. – Немедленно! – Затем обратился к Рюти: – У вас наверняка есть телефон?

Рюти лишь кивнул. Видимо, он был слишком озадачен вспышкой гнева Хоровитца, чтобы протестовать.

– Бергер ранее сказал, что я лучший. – Хоровитц помотал головой. – Чистая ложь. Есть кое-кто лучше меня. – Он вытащил из портмоне визитную карточку, которую всегда носил с собой. – Забронируйте номер в первом классе в отеле в Берне. Позаботьтесь о том, чтобы там не было комнатных растений, и отключите детектор дыма. А потом позвоните по этому номеру.

Рюти взял визитку и взглянул на адрес.

– Это немецкое БКА, Федеральное ведомство уголовной полиции в Висбадене.

– Вижу, вы умеете читать. – Голос Хоровитца сочился сарказмом. – Этот мужчина должен немедленно сюда приехать.

– Мартен Снейдер, – пробормотал Рюти.

– Мартен С. Снейдер, – исправил его Хоровитц.

– А почему никаких комнатных растений?

– Якобы они забирают у него кислород, необходимый для мыслительного процесса.

– А детектор дыма?

– Лучше не спрашивайте. Он нужен нам здесь. И пока он не придет, следите за тем, чтобы никто не находился на месте преступления и ни к чему не прикасался.

– А если он не сможет или не захочет приехать?

Хоровитц посмотрел в сторону труп.

– Отправьте ему фотографию живота убитой. Тогда он наверняка придет!

Среда, 23 сентября

Характерный звук та-тамм, та-тамм идущего по рельсам вагона действовал успокаивающе. На каждом рельсовом стыке чемодан слегка подпрыгивал на багажной полке. В общей сложности поездка продлится всего десять минут – и половина пути уже позади.

Ханна сидела у окна и смотрела наружу. По обе стороны простиралось море. Поверхность воды была гладкая, как зеркало, а горизонт словно прочерчен по линейке. Солнце скрывалось за белыми облаками. Якобы так далеко на севере всегда облачно, особенно в начале осени.

Ханна посмотрела вперед на локомотив. Дамба делала небольшой поворот вправо, в который сейчас входил поезд. Вообще-то поездка немного пугала, потому что дамба была сооружена в 1927 году в самом узком месте шириной всего десять метров и, протянувшись на пять километров прямо над морем, соединяла материк с островом. Прошел уже почти век, а попасть на этот остров по-прежнему можно было только двумя способами: либо на поезде, либо на полицейском катере. Хотя, возможно, в этом и заключалась цель – идеальная безопасность.

Вдалеке показался скалистый остров, и Ханна прижалась лицом к стеклу. Остхеверзанд состоял из одних лишь крутых утесов и зеленого мха. Внизу, где вода билась о скалы, камни были темнее, а выше светлели. Некоторые скалы почти белели в солнечном свете. Затем появились маяк, пристань и маленькая железнодорожная станция.

Ханна поднялась, достала свой чемодан с багажной полки и вышла из купе. Поезд преодолел дамбу и въехал на островную железнодорожную станцию.

– Вам помочь, юная леди? – спросил проводник.

– Спасибо, не нужно. – Ханна открыла дверь. Таких старомодных складных дверей с выдвигающейся подножкой она не видела с детства. Казалось, что поезд, как и рельсовые пути, тоже откуда-то из начала прошлого века.

Ханна спустилась на перрон и через зал ожидания вышла на улицу, где наконец поставила чемодан на землю. Значит, вот как он выглядит, Фленсбургский фьорд, этот узкий залив в Балтийском море между Германией и Данией. На горизонте она даже могла разглядеть побережье Дании.

Чайки элегантно кружились над причалами маленькой пристани и вокруг маяка в красно-белую полоску – еще одного наследия прошлого века. Ханна задавалась вопросом, освещает ли он все еще по ночам морское пространство и если да, то виден ли луч света из ее комнаты. Лодок, во всяком случае, она не заметила.

Ханна посмотрела на часы. Почти восемь. Поезд пришел

точно по расписанию. В этот момент по дороге стремительно спустилась машина, на полной скорости преодолела поворот и остановилась перед железнодорожной станцией. Из автомобиля вышел высокий подтянутый мужчина с широкими плечами и светлыми волосами до плеч. Он не заглушил мотор, и автомобиль – старый белый «фольксваген-жук» – продолжал тарыхтеть. Рукава рубашки у мужчины были закатаны, и он засунул большие пальцы за подтяжки. Льняные брюки были коротковаты, так что из-под штанин виднелись носки. В красно-белую полосу, под стать маяку.

Мужчина слегка раскачивался с пятки на носок.

– Вы Ханна Норланд? – крикнул он.

Невероятная догадливость. Все-таки она была единственная женщина, прибывшая на поезде.

– Да.

– Добро пожаловать на Алькатрас. Я отвезу вас в вашу квартиру. – Он целеустремленно направился к ней, но, подойдя, не взял у нее чемодан, а лишь сказал: – Положите ваш багаж на заднее сиденье, а я сейчас вернусь. – И без дальнейших комментариев прошел через зал ожидания к поезду.

Ханна услышала, как он заговорил с проводником. Она подошла к машине, опустила спинку пассажирского кресла и запихнула чемодан в салон. В следующий момент водитель уже вернулся со станции. На плече он нес мешок с почтой, который бросил к ее чемодану на заднее сиденье.

– Поезд курсирует только два раза в день и связывает ост-

ров с материком. – Он вытер ладонь о штаны и протянул Ханне: – Я Френк, не Франк и не Фрэнк, а Френк через «е». Френк Бруно. – Он улыбнулся. – Моя мать меня так назвала. Наверное, хотела отомстить мне таким образом. Я ее потом изнасиловал и проломил череп. Но вам не нужно бояться. Это случилось давно, мне тогда было пятнадцать. С тех пор я изменился. Сейчас мне тридцать.

Ханна уставилась на него. Он что, серьезно? Во всяком случае, не похоже, что он ее разыгрывает. Вероятно, отсидел свой срок в тюрьме для малолетних преступников.

– А что насчет вас? – спросил он.

– Мне двадцать семь, – ответила она.

– Нет, я имею в виду, вы тоже кого-то убили?

– Нет, я никого не убивала, я здесь... по другой причине. –

Она разглядывала Френка. «Хорошо» же все начинается.

Френк похлопал по крыше машины.

– Площадь острова два квадратных километра. Здесь всего пять машин. Одна принадлежит смотрителю маяка, остальные четыре – тюрьме. – Он запрыгнул в автомобиль. – Поехали, директор хочет вас видеть.

Ханна села в машину и захлопнула дверь.

Френк наклонился к ней и внимательно оглядел.

– Вы ничего не забыли?

Она вопросительно взглянула на него.

– Чаевые?

Он смотрел на нее с серьезным видом.

– Нет, пристегнуться! Директор придает большое значение безопасности. И взятки мне тоже брать нельзя!

Френк Бруно переключил передачу, развернулся перед станцией и поехал вверх по горной дороге.

Ханна пристегнулась. Этот мужчина срочно нуждался в терапии. А если даже водитель такой – что тогда с заключенными?

После поворота открылся вид на возвышенность прямо перед ними. В самой высокой точке острова располагалась «Штайнфельз» – тюрьма строгого режима для преступников с психическими отклонениями. Рядом находился корпус для сотрудников. Между зданиями тянулась липовая аллея, которая словно служила барьером между тюрьмой и свободным миром. Говорили, что даже в корпусе для сотрудников все окна зарешечены, но с такого расстояния Ханна не могла этого разглядеть. Хотя зданию наверняка было не меньше семидесяти лет, тюрьму открыли здесь всего пять лет назад. «Штайнфельз» была экспериментальным проектом.

Ханна надеялась, что ее обучение оправдает себя. Все-таки она ждала этого момента пять лет. Теперь она наконец должна найти ответы.

Четверг, 1 октября

Сабина Немез надела солнечные очки и направилась вдоль стеклянного фасада бассейна. Стекла изнутри запотели, а над гладкой поверхностью воды стелилась нежная дымка. В ближайший час начнется тренировка аквалангистов, и этой почти идиллической тишине придет конец.

В соседних аудиториях Сабина на протяжении двух последних лет проходила обучение по специальности «Полицейский аналитик». Эти помещения в висбаденском Гайсберге относились к Академии для особо одаренных молодых кадров – так Федеральное ведомство уголовной полиции БКА заботилось о том, чтобы у него не переводились специалисты. Учитель и наставник Сабины Мартен С. Снейдер, которого по праву боялись все студенты, взял ее на это время под свое крыло. Однако у Сабины было впечатление, что именно к ней и ее коллеге Тине Мартинелли он относился строже, чем ко всем своим студентам.

Сабина с удовольствием вспоминала годы учебы, поэтому всегда завтракала или обедала в столовой академии, когда у нее было время. Как ни странно, все остальные из ее группы сдались: Гомез, Шёнфельд и Майкснер отчислились, и толь-

ко они с Тиной прошли программу до конца.

Снейдер это предсказывал. Число отчисленных составляло семьдесят процентов. Летом Сабина и Тина выпустились из академии и вот уже два с половиной месяца состояли на службе. Тина занималась случаями похищения людей, а Сабина работала в группе по расследованию убийств. Их направляли на задания по всей Германии, а иногда даже за границу. Недавно Сабине удалось раскрыть сразу два случая, когда она заметила между ними связь. Она попыталась как можно скорее отогнать неприятные воспоминания, потому что завтра начинался ее первый за длительное время и такой долгожданный отпуск. Наконец-то она поедет домой в Мюнхен и увидится с сестрой и тремя племянницами.

Она вошла в столовую, подняла солнечные очки на волосы и купила в автомате стаканчик кофе. Затем села за свободный столик и посмотрела в окно. Рядом с огражденной шлагбаумом парковкой и кустарниками находилась вертолетная площадка. Много раз за день здесь с треском приземлялся вертолет, но сейчас было тихо.

В этот момент открылась дверь и в столовую вошли несколько новых студентов, которые начали обучение в сентябре. Они не заметили Сабину и расположились за одним из столиков.

– Снейдер пустое трепло, – пробормотал один из студентов.

– Высокомерный говнюк.

– Думаешь, ему нравится нас унижать?

– Конечно. Это сразу видно по его знаменитой презрительной ухмылке. Он натягивает ее, когда придумывает, как еще нас опустить.

Знаменитая презрительная ухмылка Снейдера! Сабина чуть было не прыснула от смеха. За последние годы Сабина частенько слышала такие выражения, а иногда и сама их произносила. Но со временем она поняла: у Снейдера была своя методика. Его философия заключалась в том, чтобы как можно лучше подготовить своих «любимчиков» для работы во внешнем мире. «От вас будут зависеть человеческие жизни, – постоянно подчеркивал он. – И если вы сдадитесь сейчас, то тем более сломаетесь на службе». Не зря на курсе Снейдера был такой высокий процент отчислимости. Шёнфельд, Гомез и Майкснер оказались не готовы к такой работе – иногда Сабина сомневалась и в собственных способностях.

– Возможно, Мартен Снейдер думает, что...

– Мартен С. Снейдер, – с ноткой цинизма в голосе перебил один из студентов свою коллегу. – Кроме того, Снейдер не думает, он знает.

– Говорят, когда не может заснуть, он считает не овец, а убийц, которых поймал.

Иногда Сабина задавалась вопросом, как сама выдержала эти два года учебы. Возможно, ее преимущество было в том, что она попала в академию достаточно поздно, в двадцать восемь лет. Не прослужила она до этого много лет в мюнхенской

полиции, вероятно, тоже сдалась бы под напором нетрадиционных методов преподавания Снейдера. Кроме того, всегда мечтала пройти обучение в БКА. И вот она справилась – успешное окончание академии стало подарком самой себе на тридцатилетие в июне, – и, честно говоря, Сабина немного гордилась.

– Это же Немез...

Окончание фразы Сабина не разобрала. Она встала, выбросила пластиковый стаканчик в мусорное ведро и вышла из столовой. Путь к выходу вел мимо аудиторий. Одна дверь была приоткрыта, и Сабина услышала голос Снейдера. Его голландский акцент с растянутым «л» невозможно было пропустить, она узнала бы этот голос из тысячи.

– Вы вот постоянно говорите о душе убийцы, – услышала Сабина одного из студентов. – А что есть душа? Вы можете показать мне эту душу при микроскопическом исследовании мозга?

Ух! Студент взял вызывающий тон. Некоторые хотели бросить вызов Снейдеру, но в большинстве случаев ничего не выходило.

Сабина невольно остановилась у двери и через щель заглянула в зал. На первых двух рядах сидели шесть студентов. Сабина не увидела Снейдера: видимо, он стоял за кафедрой, которую скрывала дверь. Слышался лишь его невозмутимый голос.

– Почему вас так интересует результат микроскопическо-

го исследования?

Сабина увидела, как студент заулыбался.

– Это жажда истины. Поиск фактов, доказательств и логичных причин.

– А вот это влечение к истине... Что это? – спросил Снейдер. – Нечто физическое и плотское или что-то душевное?

Студент замялся.

– Душевное.

– Угу.

Сабина представила, как Снейдер натянул свою презрительную ухмылку. Услышала, как он сошел с трибуны и направился к первому ряду.

Через щель приоткрытой двери она разглядела его худую фигуру со спины. Ростом чуть выше метра восьмидесяти и, как обычно, в черном дизайнерском костюме. Он сложил руки за спиной и склонил голову набок. Его мертвенно-бледная лысина, казалось, уже много лет не видела солнечного света.

– Одним словом, – сказал Снейдер, – вы ищете душу, не можете ее найти, при этом она сама является предпосылкой для ваших поисков.

Студент молчал.

Снейдер медленно развернулся и уставился на Сабину, словно давно уже догадывался, что кто-то прячется за дверью. И подмигнул ей.

Она с улыбкой кивнула в ответ. «Возьми их как следует в

оборот!» Тут зазвонил ее сотовый. Сабина достала телефон из кармана и направилась по коридору к выходу.

– Да?

– Фрау Немез, президент Хесс хочет с вами поговорить. Перед главным зданием – и прямо сейчас!

Это была секретарь президента БКА. Сабина насторожилась.

– Он вряд ли собирается пожелать мне отличного отпуска?

– Нет, боюсь, что нет, – ответила та. – Он сказал, что у него есть для вас новое задание. И очень срочное.

Среда, 23 сентября

Окна в корпусе для сотрудников были действительно за-
решечены, но вид из них открывался чудесный. Френк Бру-
но привел Ханну в ее квартирку, и теперь она стояла у окна,
держась за решетку, и смотрела на море.

Она слышала шум волн и ощущала мелкие соленые ка-
пельки воды на губах. Солнце по-прежнему скрывалось за
облаками, а ветер тем временем немного разволновал море.
Когда Ханна прижималась к решетке носом, она могла даже
разглядеть маяк на одной из выступающих вперед скал.

Решетка, чтобы отсюда никто не вылез? Или, наоборот, не
забрался? Вероятно, и то и другое.

Она оставила окно откинутым и зажгла верхний свет –
убогий маленький фонарь, который даже не заслуживал пра-
ва называться «светильником» и отбрасывал больше тени,
чем света. Ханна выложила содержимое чемодана в шкаф
в спальне и расставила свои туалетные принадлежности на
полках в ванной комнате. Площадь квартиры была всего
тридцать квадратных метров, но здесь имелась маленькая
кухонька, где Ханна могла готовить себе завтрак.

Прежде чем покинуть комнату, Ханна переоделась для

встречи с директором Холландером и посмотрела на себя в зеркало. Серая юбка, туфли на плоской подошве и черная блузка, рукав которой она натянула на запястье, чтобы скрыть шрам. Она вынула пирсинг из носа и замазала дырочку тональным кремом. С длинными светлыми волосами, заплетенными в косу, веснушками и ярко-голубыми глазами она выглядела послушной и обворожительной.

Самой Ханне этот очаровательный образ блондинки не нравился, но в жизни она усвоила одно: чтобы преуспеть, нужно выглядеть мило, но действовать умно.

Она взяла свою магнитную карточку и вышла из комнаты.

Ветер нагибал ветви лип, срывал с них листву и гнал навстречу Ханне. Ее немного знобило в тонкой блузке. В конце аллеи находился главный вход в тюрьму: обрамленные увесистыми мраморными плитами и орнаментами деревянные ворота, на которых крепилась медная табличка. На ней были изображены два сцепившихся льва, а под ними шла надпись готическим курсивом.

*«Война с самим собой – тяжелейшая из войн.
Дата возведения 1933 год»*

Между цветами дикой выющейся розы, которая проросла в трещинах каменной стены, виднелись многочисленные объективы камер, снимающих все происходящее перед воротами. Камеры на здании казались анахронизмом – как и магнитная карта Ханны, и считывающие устройства на двер-

ных замках.

Ханна заранее ознакомилась с не очень доблестной историей здания: во время нацистской диктатуры в «Штайнфельзе» с помощью гильотины были приведены в исполнение сотни смертных приговоров, а в пятидесятых годах в здании размещался – как тогда говорили – сумасшедший дом, где практиковали электрошоковую терапию, чтобы излечить гомосексуалистов от их «отклонений». Лишь в семидесятых годах заведение превратили в женскую тюрьму, но закрыли в девяностых после сильного пожара во время бунта заключенных. Затем здание много лет пустовало. Позже, получив целевое финансирование, было наконец отремонтировано и перестроено. И вот уже пять лет существовал этот пилотный проект.

Судя по фотографиям, которые Ханна видела в Интернете, машины для перевозки заключенных подъезжали с другой стороны здания. Сразу за площадкой для разворота начинался крутой скалистый обрыв в море.

Ханна позвонила. Френк Бруно сразу же открыл дверь.

– Поздно вы.

– Я быстро переоделась.

Он оглядел Ханну, и на мгновение его взгляд остановился на ее груди.

– Директор уже ждет. Идемте!

Френк повел ее мимо пустой стойки регистрации через огромный зал с высокими колоннами и плиточным полом,

на котором гулко отдавались их шаги. По широкой мраморной лестнице они поднялись на второй этаж. Где-то вдали эхом отозвался чей-то выкрик, сменившийся приглушенным смехом.

– Камеры находятся в нижней части здания, – пояснил Френк.

Они остановились на верхней ступени.

– Его кабинет в самом конце коридора, – объяснил ей Френк. – Секретаршу зовут Морла, как древнюю черепаху из «Бесконечной истории». Вы должны доложить ей о себе. Директор Холландер не такой, как прежний директор. Этот целыми днями диктует письма. Я слышал, что он идиот. – Френк пожал плечами.

– С чего вы взяли?

– Только безграмотные будут диктовать. Я...

– Большое спасибо. – Ханне не хотелось продолжать разговор. – Я найду дорогу. – Она быстро прошла по коридору и постучала в дверь. Пока ждала, заметила краем глаза, что Френк Бруно стоит на верхней ступени лестницы и наблюдает за ней.

– Войдите! – раздался женский голос.

Ханна вошла в кабинет. На вид она дала бы секретарше директора Холландера около шестидесяти: морщины и старческие пятна на шее и руках выдавали ее возраст. Стройная, черноволосая, с консервативным каре, густо нанесенной помадой и нитью жемчуга на шее. На кончике носа сидели оч-

ки. Пальцами с длинными красными ногтями она стучала по клавиатуре, потом сняла наушники.

– Меня зовут Ханна Норланд. Я подавала заявление на прохождение практики. Сегодня мой первый рабочий день. – Она протянула секретарше руку.

На запястье женщины зазвенел браслет с подвесками.

– Я видела в окно, как вы приехали. Господин директор уже ждет вас.

Ханна посмотрела на письменный стол в поисках таблички с именем, но ничего не нашла.

– Можно вас кое о чем спросить?

Секретарша возилась с наушниками.

– Только быстро.

Ханна застенчиво поморщилась.

– Морла интересное имя. Какого оно происхождения?

Женщина прищурилась так, что глаза превратились в две щелочки. С морщинами на лице она и правда напоминала древнюю черепаху.

– Это Френк вам рассказал? Он идиот. Меня зовут Морена, но для вас я секретарь господина директора Холландера. Вот черт!

Морена нажала на кнопку, и обитая мягким материалом дверь у нее за спиной с жужжанием открылась. В следующий момент секретарша уже вставила наушники и продолжила печатать.

«Какое удачное начало».

Ханна вошла в кабинет директора. Первым делом она почувствовала терпкий запах табака и аромат свежесваренного кофе – оба казались неотъемлемой частью помещения, как старинная облицовка стен.

Найти в Интернете фотографию директора Холландера ей не удалось. Она знала лишь, как выглядит его подпись – из письма, которым он подтвердил ей прохождение годичной практики. И, увидев его сейчас, Ханна была удивлена. Почему-то она представляла его себе иначе. Старше, солиднее, опытнее – серым кардиналом. Кто-то подобный казался ей наиболее подходящим для должности директора в «Штайнфельзе». Но Холландер выглядел на сорок пять, у него было сухощавое лицо с заостренным подбородком и удлиненные седые, слегка волнистые волосы.

Когда она закрыла за собой дверь и сделала несколько шагов по скрипящему паркету к его письменному столу, Холландер быстро взглянул на нее.

– Секундочку, пожалуйста. – В руке он держал нож, а на столе перед ним стоял поднос с кофе, стаканом томатного сока и свежее испеченными булочками. – Я люблю намазывать масло на горячую выпечку и смотреть, как оно растекается.

– Мне зайти позже?

– Почему? Оставайтесь.

Директор Холландер отложил нож в сторону, сделал глоток томатного сока, вытер рот и пальцы тканевой салфеткой и поднялся из своего хрустящего кожаного кресла. Обошел

вокруг массивного стола красного дерева, на котором стояло несколько фоторамок, но Ханна видела только их оборотную сторону.

– Добро пожаловать в Алькатрас. – С улыбкой он протянул ей руку.

– Эту шутку я сегодня уже слышала.

– Видимо, от Френка. Он повторяет все, что слышит. «И то, что диктуют письма только безграмотные?»

– Он также рассказал мне, что в пятнадцать лет изнасиловал свою мать, а затем проломил ей череп, – сказала Ханна.

– Это неправда. – Холландер был гладко выбрит и благоухал одеколоном после бритья. Он закатал рукава белой рубашки. Его мускулистые руки оказались загорелыми. – Он сначала проломил ей череп, а потом надругался над трупом. И ему было только четырнадцать.

– Ой.

– Да, жуткая история. Он сидел в тюрьме для несовершеннолетних преступников, но в рамках программы ресоциализации окончил специальную коррекционную школу и уже пять лет работает здесь.

– Такая работа для человека с судимостью...

– Что, непривычно? Возможно, но это заведение – пилотный проект, и мы должны подавать пример. Френк отвечает за библиотеку и разносит почту клиентам. Правда, иногда он забывает, что давно уже не в тюрьме, и раздражается, когда ему не разрешают участвовать в сеансах терапии.

Ханна кивнула. Очевидно, *клиентами* Холландер называл заключенных.

– Не хотите присесть? – Холландер указал на угловой диванчик в нише.

– Спасибо. – Ханна села на кожаный стул рядом с открытым окном. Между ламелей жалюзи, постукивающих на сквозняке, открывался вид до самого скалистого берега. Тем временем небо потемнело. Наверное, вечером над морем разразится гроза.

Холландер подсел к ней с кувшином и налил стакан воды.

– Мы разместили вас в квартире вашей предшественницы. Как вам комната? – спросил он.

– На окнах решетки.

– Вам придется к этому привыкнуть – как и к еде в столовой. К сожалению, в обеденный перерыв у вас не получится ездить на материк, поезд ходит лишь два раза в сутки. Утром и вечером.

– Это я уже знаю.

– Но если захотите прогуляться: есть отличный пешеходный маршрут по острову, а у железнодорожной станции находится симпатичное кафе с хорошей кухней. Правда, оно закрывается в восемь вечера. А в последнее воскресенье каждого месяца смотритель маяка готовит барбекю. Это всегда главное событие месяца. – Холландер засмеялся. – Больше никакой роскоши я вам здесь предложить не могу.

– Я ее и не ожидала, когда устраивалась на практику в

тюрьму.

Холландер открыл сигарный ящик на столе.

– Гавану?

Она помотала головой.

Он потянулся к спичечному коробку.

– Вы ведь не против?

Ханна терпеть на могла суггестивных вопросов, но в первый рабочий день не хотелось производить плохое впечатление.

– Это ваш кабинет.

– Конечно – мой остров, мои правила. – Он сунул сигару в рот и выдохнул дым в потолок. – Поэтому мы не используем здесь такие понятия как *тюрьма* или *колония*. «Штайнфельз» – лечебно-исправительное заведение строгого режима, но мы называем его просто *заведение*. Мы особое исправительное учреждение тюремного типа. В отличие от других тюрем «Штайнфельз» находится не в земельном, а федеральном ведении. Наши сотрудники – бывшие профессиональные солдаты, которые получили психологическую подготовку и окончили школу пенитенциарной полиции. Здесь содержатся только преступники на грани невменяемости: педофилы, насильники, садисты, психопаты, все, что вашей душе угодно. В обычной тюрьме за такие наклонности их избивали бы до полусмерти другие заключенные. Но насилие лишь порождает насилие. Поэтому существует этот проект.

– Звучит неплохо.

– Не все воспринимают это так положительно. У нас много противников. Почему государство должно тратить деньги и ресурсы, чтобы лечить душевнобольных и презираемых обществом людей? Мы не хотим заново интегрировать их в общество... Да это и невозможно. – Он улыбнулся. – Но мы пытаемся проводить терапию для наших клиентов, чтобы однажды их смогли перевести в нормальную тюрьму со всеми ее преимуществами. Потому что у нас всего несколько одиночных камер, не более часа на просмотр телевизора в день и ограниченные возможности для занятий спортом, но – и этому я придаю большое значение – очень хорошая библиотека.

– «Я всегда воображал рай чем-то наподобие библиотеки», – процитировала она.

– А, Хорхе Луис Борхес. – Холландер ткнул сигарой в ее сторону. – Полностью разделяю его мнение. – Он развел руки в стороны. – На этом острове немного возможностей, и вы, наверное, задавались вопросом: почему нас разместили именно здесь? Остхеверзанд находится не на краю света, но его отсюда уже видно, если вы как-нибудь заберетесь на маяк. – Он улыбнулся.

Очевидно, что Холландер получал удовольствие от звука своего голоса и, вероятно, уже не раз рассказывал эту шутку. Ханна наверняка еще услышит ее от Френка.

– И почему же тогда заведение теперь здесь? – спросила она, ибо директор так и не дал ответа.

– Оглянитесь. Здесь нет рыбацких лодок и туризма. Это уединенное место. Тот, что захочет сбежать отсюда, должен быть или хорошим ходоком, или олимпийским пловцом.

– А уже были попытки?

Холландер самодовольно помотал головой.

– С тех пор, как я стал директором, нет. Так должно быть и впредь. Потому что этот терапевтический эксперимент – длительное исследование, первые результаты которого будут понятны лишь через несколько лет. Но я считаю, что все усилия не напрасны.

– А можно ли вылечить рецидивистов?

– Ваша задача выяснить это, фрау Норланд. Кроме того, я хотел бы попросить вас использовать политически корректное понятие *клиент* и воспринимать ваших клиентов как таковых, даже если вы прочитаете в их делах, что они насиловали, расчленяли и ели трупы.

– Конечно.

– Кстати, в следующем году запланирован ремонт пустующего корпуса. Я добился разрешения разместить у нас пятнадцать клиенток – равноправие еще никто не отменял, верно?

Ханна кивнула. Опять суггестивный вопрос. Пожилой, более консервативный шеф пришелся бы ей больше по душе. И хотя в груди у нее билось бунтарское сердце, она была невысокого мнения о политической корректности и всей этой гендерной болтовне. В ее глазах простое использование

другого слова не решало проблемы.

– Вы меня слушаете? – спросил Холландер.

Ханна вздрогнула.

– Простите?

– У вас голландский акцент, верно?

– Мои родители родом из Амстердама, но я окончила университет в Германии.

– И даже с красным дипломом и в кратчайшие сроки, как я прочитал в ваших документах, приложенных к заявлению. И хотя у вас не так много опыта, вы захотели пройти практику именно здесь? – Он вопросительно взглянул на нее.

– Мой наставник сказал, что нет лучшего места набраться опыта, чем здесь.

Директор одобрительно приподнял брови.

– Ну, здесь у вас и правда будет достаточно возможностей набраться опыта. Тогда, от имени всего коллектива, добро пожаловать к нам в качестве самой юной женщины-психолога, которая когда-либо работала в «Штайнфельзе».

Холландер поднялся, подошел к своему письменному столу и достал из ящика три папки.

– Это досье участников вашей психотерапевтической группы, которая достанется вам от вашей предшественницы. Клиенты под номерами семь, одиннадцать и двадцать три. Если у вас возникнут вопросы, на них вам ответит майор доктор Ингрид Кемпен. Она моя заместительница.

Ханна взяла папки с досье, надеясь, что Холландер не за-

метил ее учащенного дыхания. К тому же она не решалась взглянуть на обложки с фамилиями.

– Можно мне также почитать уголовные дела?

Холландер улыбнулся.

– Это не обязательно. Я уверен, что мужчины у вас в надежных руках и без этого знания.

Ханна закрыла за собой дверь в приемную, но оттуда все равно доносилось глухое щелканье клавиатуры, по которой без передышки колотила секретарша Холландера.

Она спешно достала досье и посмотрела на фамилии. О первых двух она никогда не слышала. При взгляде на третью фамилию ее сердце забилося быстрее. Невероятно. Клиент номер 23 был Пит ван Лун.

Ханна подняла глаза и посмотрела в конец коридора. Френк Бруно все еще стоял на верхней ступени лестницы и пялился в ее сторону.

Четверг, 1 октября

Сабина Немез сунула сотовый в карман, вышла из академии и направилась к зданию БКА. В небе над головой трещал вертолет. Поднявшийся ветер кружил осеннюю листву и трепал длинные каштановые волосы Сабины.

Вертолет пошел на посадку, но Сабина уже не обращала на него внимания. Она торопливо покинула территорию академии, перешла через дорогу и попала на Таерштрассе, маленький переулок с разворотным тупиком. Здесь находился вход в главное здание БКА, где с ней хотел поговорить президент Хесс.

В тот же момент через вращающуюся дверь вышел Хесс и спустился по лестнице в сопровождении двух сотрудников. Обоим – мужчине в черном костюме и женщине в голубой брючной паре – было около сорока лет, каждый нес в руке тяжелый чемодан. Все трое, включая Хесса, разговаривали по телефону.

Сабина подошла к группе.

– Вы хотели со мной поговорить? – спросила она Хесса.

Коротким жестом он дал понять Сабине, чтобы она следовала за ним. Пока они шли обратно к академии, Хесс при-

жимал телефон к уху.

– Да, мы немедленно вылетаем в Хоэнлимбург. Нет, конечно нет! Вы вообще знаете, с кем говорите? – прокричал он в трубку. – Мне плевать на разрешение на авиатранзит! Через сорок минут мы будем на месте. – Он нажал на кнопку и завершил звонок.

Сабина легко шагала рядом. Со своим ростом метр шестьдесят три она едва доходила Хессу до плеча, но могла без труда держать его темп.

– Вы хотели со мной поговорить, – повторила она.

– Да, – выдавил Хесс. Для своих шестидесяти двух он был в неплохой форме. На его седых висках лишь выступила легкая испарина. Хесс потеревил узел галстука. – У меня для вас есть задание.

– Я на службе только завтра до обеда, потом у меня отпуск, – возразила она.

– Вы забронировали какой-то тур?

– Нет, я собираюсь навестить свою сестру в...

– Немез, можете забыть об этой поездке.

– Но я...

– Это не обсуждается! Я тоже с удовольствием провел бы выходные в своем загородном доме, но не все всегда складывается так, как мы хотим.

Сабина лишилась дара речи. Никакого тебе «Мне очень жаль» или «Я хотел бы попросить вас перенести отпуск». Но почему она все еще удивлялась? Хесс был беспощадным ти-

раном, недипломатичным и прямолинейным – и он с первого дня возненавидел Сабину, когда Снейдер устроил ее в академию два года назад.

– Можно спросить, почему?

– Можно! Я решил, что с этого момента Снейдер должен работать в команде.

Снейдер в команде? Это, должно быть, шутка! Хесс наверняка придумал это лишь для того, чтобы поиздеваться над Снейдером.

– Вы же знаете, что Снейдер не терпит коллег и работает в одиночку...

– Мне все равно! – перебил он ее.

– Но у Снейдера нет команды и никогда не было.

– А теперь есть.

– И кто же в его команде?

– Вы! Вы его команда. Поздравляю.

Сабина стиснула зубы.

– Как вы догадываетесь, никто добровольно не вызвался в партнеры Мартену, – сказал Хесс. – Да и кто захочет работать с таким, как он? Но вы хороший специалист, Немез. Недавно в рекордные сроки раскрыли два дела.

Ну, рекордными их вряд ли можно назвать. Сабина на три недели с головой ушла в расследование дела, и удача ей улыбнулась.

– И поэтому я решил, что вы добровольно вызоветесь на это задание. – Хесс вытер пот со лба.

Добровольно! В этом весь Хесс. Между тем они дошли до вертолетной площадки. Дверь кабины вертолета была открыта, и пилот дал им понять двумя поднятыми пальцами, что они взлетают через две минуты.

Оба сотрудника забрались в кабину. Они продолжали говорить по телефону, и Сабина слышала, как они кричат в свои трубки. По всей видимости, женщина разговаривала с персоналом больницы, а ее коллега с кем-то из экспертно-криминалистического отдела.

– Вы возражаете, Немез?

– Нет, господин президент, – проскрежетала она.

– Хорошо. – Он забрался в вертолет и уже хотел закрыть дверь, но Сабина взялась за ручку и наклонилась в кабину.

– Ваш полет имеет отношение к работе Снейдера?

– Нет.

– Куда вы летите? – прокричала она, потому что по опыту знала, что Хесс очень редко сопровождает своих людей на задание.

Он немного помедлил, но все же решил ответить.

– В Хаген, Рурскую область. Ваша коллега Тина Мартинелли расследовала в замке Хоэнлимбураг похищение, которое затем переросло в убийство. При этом она получила опасное ранение. Мне очень жаль.

У Сабины сжалось сердце. Оглушенная этим известием, она отступила от вертолета, и Хесс закрыл дверь. Лопасты заворачивались, набирая скорость, и Сабина, согнувшись и с тру-

дом держась на ногах, отошла к кустарникам, которые гнулись на сильном ветру.

С неприятным ощущением в желудке она смотрела вслед вертолету, который поднялся в небо и полетел в северном направлении.

Среда, 23 сентября

После разговора с директором Холландером Френк провел Ханну по заведению.

Зажав под мышкой три досье, она следовала за Френком по разным отделам. Сначала он показал ей прачечную на первом этаже и вход в котельную в подвале. Затем фитнес-центр и комнату отдыха для персонала. Потом они прошли мимо кабинетов администрации на втором этаже и в конце добрались до помещений для проведения сеансов психотерапии на третьем. Ее кабинет был под номером 2.07. Дверь еще заперта, но уже завтра в этой комнате она познакомится с Питом ван Луном и двумя другими ее клиентами.

Проходя мимо столовой и большой кухни, она уловила запах жареного мяса.

– В начале каждой недели вы должны заполнить план питания, – объяснил Френк. – Я принесу вам сегодня список. Можно выбирать из трех меню. Одно из них вегетарианское... но бэ-э-э. – Он сморщился.

– Я уже слышала, что еда в столовой скорее плохая, – сказала она.

– Это правда. Наши повара якобы готовят строго по ре-

цептам – но некоторые кулинарные книги не мешало бы подвергнуть цензуре. – Он улыбнулся.

Видимо, эту шутку он тоже у кого-то перенял.

В заключение Френк отвел ее в библиотеку.

– Мое царство, – с гордостью произнес он. – Вы тоже можете одолжить какую-нибудь книгу, но только до воскресенья, потому что с понедельника я на неделю ухожу в отпуск. И библиотека будет закрыта.

– А в воскресенье вы еще здесь?

Френк удивленно посмотрел на нее.

– Конечно, а как же барбекю-вечеринка у маяка? Вы не пойдете?

– Пойду, наверное. – Она огляделась. – Существуют отдельные библиотеки для заклю... то есть для клиентов и персонала?

– Нет, просто другие часы работы. Клиентам разрешается посещать библиотеку только после сеансов терапии, с трех до полчетвертого. И конечно, исключительно под присмотром охранников. И если кто-то не будет подчиняться... – Он изобразил, как будто достает оружие, и выставил руку вперед. – *Бз-з-з-з!* Получит электрический разряд тазером. Я как-то раз видел. Адская боль! – Он болезненно сморщился. Потом бросил взгляд на досье. – Это ваши клиенты?

– Нет, это материалы о моих клиентах.

Он с раздражением посмотрел на нее, затем неожиданно улыбнулся.

– Понимаю. Можно взглянуть?

– Нет, нельзя!

– Почему?

– Это конфиденциальная информация. – Она указала на потолок с камерой.

Френк проследил за ее взглядом и наконец кивнул, как будто понял.

Рядом со входом в библиотеку находился коридор с решетчатой дверью, металлодетектором и массивными белыми стальными воротами. Рядом с дверью висело несколько ламп, на потолке и стенах крепились камеры. «Тюрьма строгого режима» было написано на двери красными буквами.

– Это проход к камерам? – спросила Ханна.

– Там находится вся тюремная зона. Я... – Он запнулся. – Лучше я отведу вас сейчас к фрау доктору Кемпен.

Ханна посмотрела на часы. Было четверть одиннадцатого.

– Хорошо.

– Больничное отделение находится в старом корпусе, – объяснил Френк. – Я не люблю там бывать, все выглядит как-то жутко. – Он прошел вперед. – Хотя фрау доктор Кемпен... – Он замолк.

– Что? – Ханна улыбнулась. – Вам нравится эта фрау доктор? – попыталась пошутить она.

– Нет, она еще более зловещая, чем корпус.

– Вот как.

Ее шутка явно не удалась.

Они снова прошли мимо библиотеки, спустились по лестнице на пол-этажа, а затем по темному проходу попали в отдельное крыло здания. По дороге им встретилось всего несколько человек, которых Френк дружелюбно приветствовал, но, как только те отдалялись на достаточное расстояние, каждый раз комментировал:

– Это еще одна врач-терапевт, но я ее не люблю. Она всегда говорит суперотчетливо и чересчур приветливо, как будто я чокнутый... Это повар, который все время хочет нас отравить... Это инженерно-технический работник, но он не в состоянии даже кабельную катушку размотать, не задумавшись при этом, – по крайней мере, я такое слышал.

– Френк, – перебила она его, когда техник был вне пределов слышимости. – Вам стоит подумать, не мешает ли вам такое отношение к другим людям.

Он с недоумением посмотрел на нее.

– Каким образом?

Ханна повторила свой совет другими словами.

– Я хотел бы снова участвовать в групповой психотерапии. Такие сеансы увлекательны и поучительны. А я хочу узнавать новое, но директор Холландер считает, что это неудачная идея.

– Значит, так и есть. Он все-таки директор, – ответила она.

– Да, ему лучше знать. Если не ему, то кому? – Френк дошел до стационара. – Вот мы и на месте.

– Спасибо, что проводили, – сказала Ханна. – На этот раз не нужно меня ждать.

– Да все в порядке, библиотека открывается лишь в десять.

– Уже давно одиннадцатый час.

– Правда? – Он задрал рукав рубашки и посмотрел на запястье, на котором ничего не было, кроме татуировки черных наручных часов. Судя по форме, это был массивный «ролекс». – Вот дерьмо! Директор Холландер этого очень не любит. Я не про опоздание, хотя это тоже, потому что он ценит пунктуальность и надежность, но я имел в виду ругательство. Вот дерьмо! – Он прижал ладони к вискам.

– Ладно, ничего страшного, – успокоила она его. – Я никому не скажу.

– И директору тоже?

– Ему тем более.

– Но директор не любит, когда лгут.

– Я и не буду лгать, просто не скажу ему. Договорились?

– Договорились. Пока. – Он побежал прочь, но на бегу еще раз обернулся к ней. – Как-нибудь возьмите у меня напрокат книгу. Там много чего написано. Бесплатно!

«Сумасшедший парень!» Она посмотрела вслед Френку, который вскоре исчез в коридоре. Потом повернулась и постучала в стальную дверь с надписью «Больничное отделение».

– Открываю! – Из переговорного устройства послышался

хриплый скрипучий женский голос.

Ханна взялась за ручку. В следующий момент раздалось жужжание и дверь открылась. Ханна вошла в отделение. В нос тотчас ударил запах мазей, спирта и дезинфицирующих средств. Навстречу ей в коридор вышла стройная пожилая женщина с мальчишеской стрижкой на седых волосах и маленьким шрамом на нижней губе. Она даже не нанесла помаду, чтобы немного скрыть шрам. Ханна также обратила внимание на отсутствие каких-либо украшений, у нее даже уши не были проколоты.

– Вы, должно быть, Ханна Норланд. Добро пожаловать. – Женщина протянула ей руку. – Я майор доктор Кемпен.

У нее было сильное рукопожатие. В трекинговых ботинках, свободных джинсах и норвежском пуловере с V-об разным вырезом она все равно выглядела элегантно, несмотря на суровую манеру держаться. К счастью, Кемпен избавила ее от шутки про Алькатрас.

– Пройдемте в мой кабинет.

Кемпен быстрым шагом повела Ханну за собой и в конце коридора повернула направо к двери из матового стекла. Помещение за дверью было раза в два меньше кабинета директора Холландера, и здесь пахло мятным чаем. На письменном столе стояла табличка с гравировкой «Майор д-р Кемпен – заместитель директора».

Так как старый корпус здания был построен на узком скалистом плато, которое выступало в море, из окна можно бы-

ло смотреть вниз прямо на воду. Сбоку угадывался кусок разворотной площадки с тыльной стороны тюрьмы.

– У вас нет решетки на окне, – заметила Ханна.

– Уступка бывшего директора, которой мне разрешили пользоваться вопреки новому распоряжению директора Холландера.

Ханна с уважением кивнула.

– Респект.

– Я бывший военный врач. Поверьте мне, я уже многое видела и могу оценить риск – к тому же я отвечаю за техническую безопасность заведения. Но чувство, что ты находишься в заключении, сводит меня с ума. По крайней мере, мне нужен беспрепятственный вид на море.

Кемпен не предложила ей сесть. Сама тоже осталась стоять, скрестив руки за спиной.

– Френк вам уже все показал здесь?

– Да.

– Хорошо, я изучила ваше дело.

– Мое... дело? – повторила Ханна.

– Я не люблю сюрпризов. Если начинаю читать какую-то книгу, то сначала заглядываю в конец. Как уже сказано, я отвечаю за безопасность заведения и навела о вас справки. Вам не кажется, что вы слишком молоды для подобной работы?

Сейчас начнется это дерьмо!

– Я закончила психологический факультет университета и уже два года прохожу специализацию в Институте поведен-

ческой терапии и судебной психотерапии в Марбурге.

– Целых два года, я впечатлена. И вы считаете, этого достаточно?

Ханна проигнорировала ироничный тон Кемпен.

– Я прошла теоретическую подготовку и курс самопознания, у меня достаточно часов работы с заключенными, и сейчас я нахожусь на стадии наставничества.

– Почему вы не хотите пройти практику в какой-нибудь психиатрической клинике, чтобы наработать необходимое количество часов?

– Потому что я специализировалась на работе с сексуальными преступниками. Я верю в терапию клиентов, даже если речь идет о преступниках с аномальным поведением, которых общество считает выродками. Они заслужили шанс и...

Кемпен подняла руку.

– Что вы мне тут рассказываете! Хотите попасть в книгу рекордов Гиннеса?

Ханна лишилась дара речи.

– Я...

– Приберегите эту болтовню для директора Холландера. Он юрист, изучал гуманистическую психологию и любит подобную чушь. Я – нет! Он был трижды женат и, по идее, должен понимать, что такое жизнь в неволе, но, к сожалению, не имеет ни малейшего понятия о том, какова система исполнения наказания на практике.

– В отличие от вас, – добавила Ханна.

– Правильно, – быстро ответила Кемпен. Наверняка от нее не укрылся язвительный тон Ханны. – Для меня эти сумасшедшие – просто зэки, которые кого-то изнасиловали и перерезали своим жертвам глотку. Я лишь забочусь о том, чтобы они не отдали концы и дожили до конца своей психотерапии. И мне плевать на то, что произойдет с ними после, главное, чтобы их снова не выпустили в общество.

Ханна прищурилась. Разве полчаса назад она не мечтала о консервативном начальнике? Ну, теперь она такого нашла.

– Моя практика представляет для вас проблему? – Ханна перевела дух.

– Нет.

– Отлично, и для меня нет.

Тут у Кемпен зазвонил сотовый.

Ханна услышала самобытный рингтон – старую мелодию регги, – который у нее не вязался с этой женщиной.

«Who let the dogs out, woof, woof...»¹

Кемпен тут же ответила на звонок. Ханна не слышала, кто был на проводе, видела лишь реакцию Кемпен. Та одобритительно буркнула несколько раз, а потом сказала резким тоном:

– Не работать не получится. Он должен выбрать, где хочет провести следующие две недели, иначе я сама его распределяю. У нас есть слесарная мастерская, садовое хозяйство и столярный цех. Если ему это не нравится, будет расклады-

¹ Кто выпустил собак, гав, гав... (англ.)

вать упаковки по коробкам и сортировать мусор... Нет, на кухню он не попадет. Да, я об этом позабочусь. — Кемпен закончила разговор и убрала сотовый. — Кто бы то ни был — извращенец, душевнобольной или абсолютно здоровый, — никому не удастся увильнуть от работы, — пояснила Кемпен. — Дело в том, что, если мы не займем делом заключенных, они доставят нам много хлопот. Вот так просто.

У Кемпен был довольно прагматичный взгляд на этот счет — и Ханна не могла с ней не согласиться.

Врач пересекла кабинет и на секунду остановилась перед окном.

— У вас должна быть какая-то извращенная жилка, раз вы хотите понять психику этих сексуальных преступников. — После того как Ханна не ответила, Кемпен обернулась. — Как терапевт, вы должны будете проникнуть в мир фантазий этих мужчин, но преступники в то же время будут пытаться вторгнуться в ваш мир. — Кемпен смерила ее взглядом. — И если вы придете в этой юбке на сеанс групповой психотерапии, то непременно станете частью фантазий мастурбирующих мужчин.

— Этого я не планировала.

— Хорошо. Если кто-то из заключенных будет к вам приходить, — а это обязательно случится, — не пытайтесь решить проблему самостоятельно. И не рассказывайте об этом охранникам, а сразу идите ко мне.

Ханна кивнула.

– А если кто-то из заключенных будет вам угрожать, тогда...

– Я приду к вам.

Кемпен улыбнулась, потом открыла один из ящичков стола.

– Вот ваше удостоверение. С ним у вас будет бесплатный проезд на материк и кое-какие скидки в магазинах. Всегда носите его с собой. – Она положила на стол пластиковую карточку с фотографией Ханны. – Магнитную карту-ключ от вашей квартиры в корпусе для сотрудников вы уже получили?

– Да.

– Код базовой настройки 9999. Вам следует как можно быстрее изменить комбинацию цифр, чтобы доступ к вашей комнате был только у вас.

– Хорошо, – ответила Ханна, хотя уже сделала это, когда Френк показывал ей, где находится ее квартира. Новый код был 0806, дата рождения ее сестры.

Кемпен достала из ящика тонкую сумку с ноутбуком и положила ее перед Ханной на стол; затем добавила сотовый.

– Ваш служебный телефон и ноутбук. С его помощью у вас будет доступ к нашему внутреннему беспроводному Интернету. Компьютер уже настроен. Дополнительные программы не разрешены. Вот все пароли. – Она положила сверху конверт. – Завтра утром в кабинете для семинарских занятий 2.01 коллега покажет вам компьютерную программу, с которой вы должны будете работать в рамках терапии. Вместе с вами в Остхеверзанде работают, в общей сложности, семь

терапевтов и социальных работников. Сначала вы возьмете только одну группу с тремя участниками, а через три месяца, когда ближе узнаете наши порядки и хорошо себя зарекомендуете, – вторую.

– Лишь через три месяца?

– Чего вы ожидали? У нас не хватает персонала, и поэтому вам придется взять на себя и некоторые другие задачи. У вас очень плотный график работы. После завтрака вы будете помогать социальным работникам и до часу дня следить за тем, чтобы в мастерских соблюдалась структура рабочего дня и...

– При всем уважении, но...

– Я рассчитываю на вашу помощь и компетентность, – перебила ее Кемпен. – Ежедневно после обеда, с двух до трех, у вас сеанс с вашей терапевтической группой.

– Всего один час?

– Этого абсолютно достаточно, а после у вас останется время, чтобы задокументировать и спланировать дальнейший ход терапии. Кроме того, я хотела бы, чтобы вы помогли коллеге с управлением наличными счетами заключенных.

Бухгалтерия!

Теперь Ханна поняла, почему ее так легко взяли на это место. Холландеру и Кемпен была нужна дешевая рабочая сила. И вероятно, заявление рассмотрели лишь потому, что ее предшественница Ирена Эллинг погибла в результате трагического несчастного случая и вакансию нужно было срочно

но закрыть.

— А чтобы вы знали, куда идти, вот вам еще это. — Кемпен положила на стол цветной флаер, отпечатанный на глянцевой бумаге, и развернула его. — Небольшой путеводитель по зданию. — Она указала на большую зону красного цвета. — Здесь находятся сорок два заключенных, восемнадцать сотрудников тюрьмы, два повара и пять их помощников, четыре сотрудника канцелярии, три уборщицы, две медсестры, два техника, электрик, садовник, столяр, слесарь и компьютерщик — и еще Френк. — Она пожала плечами, давая понять, что ничего не может поделать с этим прискорбным фактом. — Мы являемся автономным учреждением и, если вдруг окажемся отрезанными от материка, сможем продержаться целый месяц.

Насколько Ханна могла оценить бывшего военного врача, такой сценарий ее бы даже повеселил.

Кемпен снова постучала пальцем по флаеру.

— У вас есть доступ в зеленую и голубую зоны, остальное для вас табу.

Ханна уставилась на план.

— Мне нельзя увидеть камеры?

Доктор Кемпен покачала головой.

— Это зона строгого режима. Вы не увидите ее даже снаружи, разве что совершите какое-то дикое убийство, тогда в следующем году у вас есть хорошие шансы стать членом клуба.

– А как насчет выборочного контроля, пока заключенные находятся на прогулке во дворе или в краткосрочном отпуске?

– Краткосрочный отпуск? Это что, шутка? Да этих парней не отпустят, даже если их мать полетит на Марс.

– А после испытательного месяца я получу доступ к камерам?

– Может, я неясно выражаюсь? – Кемпен сделала паузу. Ее веко дергалось. – Нет, никогда! К тому же никакого испытательного месяца не существует. Вас могут уволить прямо сейчас.

«Вот это да, можно мне еще раз, пожалуйста, послушать речь директора Холландера о политической корректности?»

– Вот ваша магнитная карточка для передвижения по территории. Этот код вы изменить не можете. Ваши права доступа уже активированы. Зеленая и голубая зоны – да, красная – нет! Просто проведите карточкой через считыватель, и дверь откроется. Если не откроется, то загорится красная лампочка и к вам сразу же подойдет охранник. Если такое случится, мы поговорим с вами в этом кабинете. Вы поняли?

– Вполне. – Ханна положила досье своих клиентов на стол и указала на флаер. – Однако медицинская часть тоже находится в красной зоне, а как вы видите, я здесь...

– Не надо умничать!

«Я и не умничаю», – вертелось у Ханны на языке.

– Я лишь пытаюсь понять указания своей начальницы.

Кемпен скрестила пальцы перед губами.

– Я не люблю, когда надо мной смеются, тем более юная девушка-психолог, которая первый день вышла на работу.

– А если я, как юная коллега, которая еще не знает всех здешних порядков, где-нибудь поранюсь и мне срочно потребуется первая медицинская помощь?

– Тогда в каждом коридоре вы найдете аптечку первой помощи.

– В ней вряд ли лежат ножницы, чтобы отрезать бинт, или игла, чтобы зашить рану.

– У вас есть медицинская подготовка?

– Это было частью моего образования.

Кемпен долго ее изучала.

– Давайте сюда! – наконец сказала она, взяла магнитную карту Ханны и подошла к своему компьютеру. – Я активирую вам право на вход в медицинскую часть. Но только в случае крайней необходимости. А так звоните мне заранее, чтобы я или одна из медсестер могла вас встретить.

Когда Кемпен закончила, она вытащила карточку из считывающего устройства и протянула Ханне. Та взяла магнитную карту, флаер и сотовый, сунула ноутбук под мышку и уже потянулась за досье.

Кемпен кивнула на папки.

– Это ваши заключенные?

– Клиенты, да, – исправила ее Ханна.

– Ах да, *клиенты*, – цинично повторила Кемпен, словно

речь шла о лучших друзьях Ханны. – Можно взглянуть?

– Конечно. – Ханна указала на стопку.

Кемпен взяла два верхних досье.

– Ага, Освальд Демель, которого все зовут Осси, и Виктор Яковлев. С ними вы повеселитесь. Один педофил, другой садист. А третий кто? – Она вытащила третье досье. В тот же момент брови ее приподнялись. – Холландер определил в вашу группу Пита ван Луна?

– Да, а что с ним?

– Ничего. – Кемпен сложила все три досье вместе.

– Да ладно вам, не нужно быть нобелевским лауреатом по психологии, чтобы прочитать по вашему лицу, что вы не считаете это хорошей идеей.

– Если вы изучали психологию и считаете себя такой умной, то у вас наверняка не будет проблем с Питом ван Луном.

– А почему они должны быть?

– Конечно, почему? – Кемпен непринужденно села на письменный стол и скрестила руки на груди. Казалось, она обдумывает, стоит ли отвечать на вопрос Ханны, но, очевидно, искушение нагнать на нее страху было слишком велико. – Пит не среднестатистический заключенный. Он также получил высшее образование, но изучал не психологию, а театральное искусство. В Копенгагене. Там он студентом поставил спектакль, а в двадцать два года съехал с катушек и совершил пять убийств.

– Он не единственный убийца-интеллектуал в этом заве-

дении.

Кемпен улыбнулась.

– Нет, не единственный. Но только у него было врожденное заболевание иммунной системы. В детстве он страдал гиперфункцией щитовидной железы, но врач поставил неправильный диагноз. И прописал слишком высокую дозировку тиреоидного гормона. Во время исследований выяснилось, что этот уже запрещенный препарат йодтокс оказывает негативное влияние на душевное здоровье, но также повышает уровень интеллекта.

Ханна выжидающе смотрела на Кемпен. Она еще не поняла, куда клонит врач.

– Пит владеет четырьмя языками и в день прочитывает как минимум одну книгу, – продолжила Кемпен. – Он гиперэрудирован. Нет, это даже преуменьшение, у него феноменальный коэффициент интеллекта 158, и я надеюсь, что он вам по зубам.

– Будет видно. Чем больше я о нем узнаю, тем лучше смогу оценить, – ответила Ханна. – В досье я не нашла уголовных дел моих клиентов.

– Материалы уголовных дел недоступны психотерапевтам.

«Что за чушь! Для успешного лечения терапевт должен знать все о своих клиентах».

– А как я должна...

– Так решил директор Холландер, – перебила ее Кемпен. –

Кроме того, некоторые дела уголовная полиция держит под замком, чтобы фамилии жертв не попали в прессу.

– Но я...

– Вам придется довольствоваться досье от директора Холландера. Там есть все, что я вам уже рассказала, и многое другое. Достаточно информации, чтобы в рамках практики работать с вашими *клиентами*.

Ханна поняла, что это отговорка – к тому же теперь она знала, где находятся необходимые ей документы. Кемпен невольно взглянула на свой письменный стол.

Четверг, 1 октября

Сабина Немез вошла в академию. «Можете забыть о своем отпуске». Неужели Хесс трудно было предупредить ее за несколько дней? Она уже так радовалась встрече с племянницами – но еще больше радовались они. Керстин, Конни и Фиона со своими белокурыми гривами – семи, восьми и десяти лет – могли быть настоящими занудами.

Но еще больше Сабину раздражало то, что Хесс командовал ею и не спрашивал ее мнения. «В команде со Снейдером!» Что из этого получится? Снейдер терпеть не мог никого рядом, потому что ему не хватало воздуха, чтобы дышать, как он это формулировал. Он был почти аутист. К тому же невежливый, точнее, даже грубый. Кроме того, он страдал кластерными головными болями – экстремальным вариантом мигрени – и поэтому постоянно курил травку, что не делало ситуацию проще. Если Снейдер был одержим каким-то делом, то превращался в тикающую бомбу замедленного действия. Иногда он настолько глубоко проникал в сознание убийцы, что переставал отличать свои мысли от мыслей преступника. Но все это ее не смущало. Единственное, что действительно беспокоило, так это его заносчивость по

отношению к тем, кто глупее его – то есть ко всему остальному миру.

Через заднюю дверь Сабина вошла в аудиторию, в которой Снейдер вел занятие, и села в последнем ряду. Никто из студентов на первых рядах не заметил ее появления, а сам Снейдер зарегистрировал ее присутствие лишь быстрым безразличным взглядом.

Он выглядел не на свои сорок девять, а много старше. Работа оставила на нем свой отпечаток. Тонко выбритые бакенбарды начинались от ушей и узкой линией спускались к подбородку. Они контрастировали с лысиной и нездоровой бледностью лица, и казалось, что Снейдер – персонаж какого-то жуткого черно-белого фильма.

Занятие продлится еще полчаса, затем она сможет поговорить со Снейдером. По фотографиям, которые проецировались на стену, Сабина догадалась, что он, как обычно, разбирал со студентами нераскрытое убийство. По раскрытым делам они могли бы найти всю информацию в Интернете или архиве, но философия Снейдера заключалась в том, чтобы вырастить из своих студентов самостоятельно думающих людей – способных «генерить» толковые идеи и готовых к новым задачам.

Сабина вполуха слушала рассуждения Снейдера, потому что ее мысли все время крутились вокруг Тины. Почему она получила опасное ранение? В нее стреляли? Или она боролась с убийцей? Возможно, Снейдер знал больше. Теперь,

когда они стали «командой», она расспросит его о подробностях. Сабина подперла голову рукой и прислушалась к тому, что говорил Снейдер.

– Письмо нашли в спальне жертвы, – растягивая слова, произнес Снейдер со своим голландским акцентом и нажал на кнопку пульта управления видеопроектором.

На экране появилось напечатанное на машинке сообщение. Сабина пробежала текст глазами.

«Я слежу за домом уже пять месяцев. Мне нужно было знать, кто где спит, чтобы лучше подготовиться. День икс скоро наступит».

– Что вы думаете по этому поводу? – спросил Снейдер. – Ну же, у меня мало времени, добровольцы есть?

Одна студентка подняла руку.

– Так как в случае жертвы речь идет о судье Йоане Бек, то я думаю, что ее адрес был засекречен.

– Правильно, – подтвердил Снейдер.

Сабина наострила уши. Она слышала об этом деле. Судья была убита два дня назад поздно вечером в спальне своей виллы в Дортмунде, пока ее муж смотрел телевизор этажом ниже. Йоане Бек было около пятидесяти, она была чернокожая, родом из Сенегала, где изучала право и политологию в университете Дакара. Ее муж был адвокатом, родом из Дортмунда. Пресса назвала случай правоэкстремистским убийством. Насколько Сабина знала, Снейдер был хорошо знаком с жертвой. Он поэтому разбирал это дело со своими

студентами?

– Значит, убийца уже давно ею интересовался. Он не случайно выбрал свою жертву. Однако в материалах дела не указано, что судья Бек сообщала полиции об этом письме.

– Она и не сообщала, – заявил Снейдер.

– Так как супруг жертвы тоже ничего не знал о письме – а судья Бек рассказала бы по крайней мере ему, – я предполагаю, что убийца оставил письмо в спальне в день убийства.

– Почему?

– Чтобы пустить нас по ложному пути.

– Вы предполагаете правильно, – подтвердил Снейдер. – Теперь продолжайте вы! – Он указал на студента в первом ряду. – Что, по вашему мнению, произошло?

– У меня две теории. Первая: муж Йоаны Бек написал письмо, приставил лестницу к стене дома под окном спальни, убил свою жену, а потом...

– Хорошо, а ваша вторая теория? – резко перебил его Снейдер.

– Убийца забрался через окно спальни около восьми часов вечера, когда уже стемнело, но супруги еще находились внизу. Если бы муж первым поднялся в спальню, киллер убил бы и его.

Снейдер поднял руку.

– И его или только его?

Студент немного помолчал.

– На этот вопрос я не могу ответить. Мне нужно взгля-

нуть на фотографии труп, чтобы знать, что убийца сделал с жертвой.

– Правильно, – сказал Снейдер. – Первое важное заключение сегодняшнего утра. Фотографии прольют свет на ситуацию.

Он подошел к кафедре и достал стопку досье.

– Теперь я покажу вам, что убийца сделал с Йоаной Бек. В СМИ об этом ничего не говорилось. Мы намеренно скрыли от прессы детали, чтобы не вызвать волну насилия и не спровоцировать еще одно убийство на почве расизма.

Снейдер прошелся по рядам, раздал копии досье, в котором, вероятно, находился отчет судмедэксперта, и спустя минуту включил видеопроектор.

Шелест бумаг в аудитории резко прекратился. Все уставились на экран. Сабина тоже затаила дыхание.

Твою мать! Бесконечным потоком каждые пять секунд появлялась новая ужасная фотография с места преступления. Сабина такого еще никогда не видела. Снейдер нисколько не щадил своих новых студентов. Наверное, уже сегодня вечером некоторые начнут сомневаться, не ошиблись ли они с выбором профессии.

– Добровольцы есть? Что здесь произошло?

Руку подняла маленькая крепкая студентка с растрепанными черными волосами и пирсингом, которая напоминала Сабине Тину.

– Когда Йоана Бек входит в спальню, она не замечает, что

в комнате находится убийца. Он прячется в гардеробной. Судья открывает дверь шкафа и оказывается лицом к лицу с убийцей. Тот решает воспользоваться моментом неожиданности и усыпляет ее хлороформом. Затем сажает на стул и связывает руки и ноги кабельными стяжками. После чего перерезает ей горло канцелярским ножом. Глубокий разрез проходит точно посередине гортани. Так как она больше не вдыхает хлороформ, то его действие быстро ослабевает, и Йоана Бек приходит в себя – от боли и выброса адреналина.

– Как реагирует ее убийца?

– Он готов к такому повороту и зажимает ей нос. Она захлебывается собственной кровью. Все это происходит в то время, пока ее муж смотрит вниз в гостиной телевизор.

Снейдер удовлетворенно кивнул.

– Все так и произошло. Что случилось потом?

Сабина, с привкусом горечи во рту, снова уставилась на жуткие фотографии на экране.

– Он выкалывает ей глаза и канцелярским ножом срезает лицо с головы. Только лоб оставляет сначала нетронутым.

– Почему?

– Шизофреники не умеют интерпретировать гримасы и мимику других людей и чувствуют угрозу с их стороны. Поэтому он и вырезал ее лицо...

– В общем правильно, но это не преступление шизофреника. Другие теории? Зачем он уродует ее лицо? Почему не вагину или грудь?

Кто-то поднял руку.

– Повреждение лица или глаз, в отличие от увечий тела, говорит о том, что убийцу с жертвой связывало что-то личное. Возможно, очень личное чувство ненависти.

– Уже лучше, – сказал Снейдер. – Почему он приклеивает лицо на зеркало над столиком для макияжа? – Он сделал паузу. – И зачем сажает труп на стул перед зеркалом?

– Он отделяет ее душу? – предположил кто-то.

– Нет, в этом случае он отрезал бы и кожу на лбу, где, по расхожему мнению, находится душа.

Наступило молчание.

– Господи боже мой! Напрягите мозги! – выкрикнул Снейдер. – Вы же вроде лучше всех сдали вступительный тест в академию. Так сказать, умнейшие из умнейших... В чем я все равно сомневаюсь, – пробормотал он.

– Он... он хотел продемонстрировать ей ее собственное уродство? – сказал кто-то. – Возможно, поэтому он использовал хлороформ. Вещество обладает канцерогенными свойствами и может вызвать образование опухолей.

– Уточните!

– Он удалил ее лицо с головы, как опухоль.

Снейдер приподнял бровь.

– Интересная мысль. В любом случае это убийство наполнено таким количеством символов, что из-за всевозможных предположений и умозаключений от глаз ускользают действительно важные факты. – Он поднял палец. – Но я думаю,

что последняя мысль верна, дамы и господа. «Взгляни на себя! На свое невероятное уродство! Я вывернул тебя наизнанку. Все, что осталось, – лишь пустая оболочка».

Снейдер сделал паузу, чтобы студенты прониклись его словами. Зеркало, на котором на засохшей крови держалось лицо, было освещено, и казалось, что глаза блестят.

– Что насчет послания? – спросил Снейдер.

Сабина разглядывала фотографию. Над лицом, полукругом, убийца кровью вывел на зеркале: «ЯИЧНЫЕ ЖЕЛТКИ ЖИВЫ!»

Вызвался один студент.

– Слово *желтки* напоминает о цыпленке; о вылупляющемся из яйца цыпленке. Возможно, этим поступком он хотел, как вы сказали, вывернуть ее душу наизнанку.

– Так, дальше!

– Может, намек на духовные качества жертвы, которых не было?

– Все, что осталось, – лишь пустая оболочка, – повторил Снейдер. – Да, хорошая теория, – вздохнул он. – Но правда в том... Мы этого не знаем.

Снейдер остановил слайд-шоу и спроецировал на экран фотографию, на которой крупным планом был изображен лоб Йоаны Бек. Сабина вспомнила слова студентки, которая сказала, что убийца сначала оставил нетронутым лоб жертвы. Теперь она увидела, что он затем с ним сделал.

– Перейдем к последнему деянию нашего убийцы. Что

произошло?

– Канцелярским ножом он вырезал на лбу символ. Похоже на цифру четыре, но я предполагаю, что речь идет о недорисованной свастике.

– Почему он ее не закончил? – спросил Снейдер.

– Убийцу напугал муж жертвы, который начал подниматься по лестнице, и убийце пришлось спасаться бегством через окно... настолько быстро, что он даже бросил канцелярский нож в спальне. – Студент листал досье. – Насколько я понял, на орудии убийства не было отпечатков пальцев.

Снейдер кивнул.

– Это было уже неплохо. Вы только начали обучение, но в итоге после всех занятий в голове остается лишь то, что можно применить на практике. – Он вытянул шею и посмотрел на самый дальний ряд, где сидела Сабина. – В последние месяцы благодаря счастливой случайности коллеге Немез удалось поймать двух убийц.

Студенты обернулись и взглянули на нее.

Как это понимать? Больше всего ей хотелось встать и выйти из аудитории.

Снейдер поднялся по ступеням к ней наверх.

– Дорогая коллега Немез, – сказал он не без язвительности в голосе. – Вы разделяете наши выводы?

Сабина немного подумала и вызвала в памяти одну фотографию, которую видела до этого.

– Нет, не разделяю.

Снейдер застыл на месте.

– Могу я спросить почему?

– Можете, – ответила Сабина, но продолжала молчать. Пусть Снейдер знает – как аукнется, так и откликнется.

Снейдер сжал губы.

– И почему же? – Одновременно он поднял три пальца – свои знаменитые три пальца. – Можете сформулировать ваши умозаключения тремя короткими и точными предложениями?

За последние два года на занятиях Снейдера она только и делала, что думала короткими точными предложениями.

– Это не убийство на почве расизма. На мой взгляд, речь идет не о свастике и послание было закончено. Это цифра четыре, – начала она.

– Почему вы так думаете?

– Покажите нам, пожалуйста, еще раз фотографию спальни.

Снейдер спроецировал общий план помещения на экран. Жертва сидела на стуле, повернутая к зеркалу, на котором было приклеено ее лицо. Дверь спальни была приоткрыта,

как и окно. На комодe рядом с дверью лежал окровавленный канцелярский нож.

– Нож лежит на комодe рядом с дверью, а не на пути от столика для макияжа к окну. Почему убийца, услышав шаги мужа на лестнице, отнес нож к комоду, теряя драгоценное время, и лишь затем скрылся через окно?

По аудитории пробежал ропот.

– Что означает эта четверка? – спросил Снейдер.

– Понятия не имею, возможно, четвертую жертву.

– Но нам ничего не известно о похожих убийствах.

«Пока неизвестно», – подумала Сабина.

– Лично я не разделяю эту теорию, – сказал он.

Ничего другого Сабина от него и не ожидала.

Снейдер выключил видеопроектор.

– Завтра мы займемся анализом праворадикальной среды и рассмотрим все решения, которые судья Йоана Бек приняла за последние три года. – В завершение он поднял руку. – По какой причине все, что мы здесь обсуждаем, имеет значение?

– Потому что однажды мы можем наткнуться на новые сведения по этому делу, – ответили все в один голос.

Сабина отлично знала это высказывание. Оно уже не раз подтвердилось на практике.

– До завтра, и не забывайте соглашение о конфиденциальности, которое вы подписали, – напомнил Снейдер. – Ни слова об этом деле! Никому!

Студенты кивнули, захлопнули ноутбуки и вышли из аудитории. Сабина поднялась и медленно сошла вниз по ступеням.

Снейдер собрал материалы в стопку.

– Эти молокососы дорого мне обходятся, – произнес он, не поднимая глаз.

Он, как всегда, был белым как бумага. Вероятно, приступ кластерной боли вот-вот начнется, потому что Снейдер оставил листы и принялся массировать болевую точку на тыльной стороне ладони между большим и указательным пальцами. Точки были отмечены татуировками, чтобы он мог быстро найти их, когда голова грозила расколоться от боли.

– Настолько плохо? – спросила она.

– Белочка, вы понятия не имеете.

Это прозвище он дал ей во время их первого совместного дела из-за ее каштановых волос и карих миндалевидных глаз. И она никак не могла отучить от него Снейдера.

– Тогда почему вы преподаете?

Он взглянул на нее.

– А кто должен подготовить смену? Однажды я уйду со службы, и нам понадобятся профессионалы, которые смогут погрузиться в эту бездну и не лишиться рассудка.

– Я знаю, что вы были хорошо знакомы с судьей Бек. Очень сожалею по поводу ее смерти.

Снейдер остался равнодушным.

– Избавьте меня от ваших соболезнований. Если хотите

знать правду, она без надобности усложняла работу нам, следователям. Ее смерть меня абсолютно не трогает – наоборот. Ее нисколько не жаль. – Теперь он начал массировать виски.

Сабина сглотнула.

– Не бойтесь, что вас будут считать расистом из-за подобных высказываний?

Он посмотрел на нее усталыми глазами.

– Единственное, чего я боюсь, – это совершить ошибку и упустить убийцу.

– Раньше вы разбирали со студентами старые нераскрытые дела, – размышляла вслух Сабина. – Почему теперь это свежее убийство?

– Потому что оно зверское и шокирующее. И на нем я смогу отсеять студентов и, так сказать, отделить зерна от плевел.

Отлично! И это уже на первых неделях обучения.

– Кто занимается этим делом? Уголовная полиция Дортмунда?

Снейдер кивнул.

– С поддержкой БКА. Следствие ведет коллега Тимбольдт. Он человек бывалый и знает, что делает.

– Тина Мартинелли была тяжело ранена, – сказала Сабина.

– Я слышал, но подробностей не знаю. Вы поэтому пришли?

Она помотала головой.

– Президент Хесс сообщил мне, что с этого момента у вас

должна быть команда. Я вызываюсь работать с вами.

Снейдер улыбнулся; это выглядело жутко.

– Не лгите. Хесс вынудил меня работать с партнером. Я предложил вашу кандидатуру.

– Я польщена, – сказала она.

– И у вас есть на то полное основание. Не каждый получает возможность работать вместе со мной.

Сабина удержалась от комментария.

– В настоящий момент у нас нет никакого горящего дела. Вообще-то ничто не мешает мне провести выходные в Мюнхене.

– Подождите, – сказал Снейдер, и в тот же момент зазвонил его сотовый.

Он вытащил его из кармана пиджака и ответил на звонок. Минуту слушал, поглядывал на часы, сказал пару раз *да и нет* и в конце *Verdomme!*² Затем положил трубку.

– Вы ошибаетесь, Немез, – заявил он. – Это была секретарша Хесса. Федеральное ведомство полиции Швейцарии просит моей поддержки.

– И это означает?

– У нас есть дело. Добро пожаловать в мою команду из одного человека. У вас пятнадцать минут. Пакуйте свою зубную щетку, мы летим в Берн.

² Проклятье! (нидерл.)

Четверг, 24 сентября

Кабинет для сеансов психотерапии под номером 2.07 был квадратным, каждая стена около пяти метров длиной. Ханна стояла у одного из трех зарешеченных окон. Ее взгляд падал на липовую аллею сбоку, в конце которой находился корпус для сотрудников. Она также видела маяк и улицу, ведущую к железнодорожной станции. Но под самым окном простирался один лишь скалистый склон.

Ханна смотрела на белые, рассеченные расщелинами скалы, крутые острые формы, за тысячи лет образованные эрозией. Кое-где по утесу бродили чайки и клевали рачков. «Какой здесь крутой склон!» Она представила, каково было бы сорваться вниз. «Что за абсурдная мысль. Видимо, я все-таки немного нервничаю».

Качая головой, Ханна отошла от окна и направилась к своему стулу, на котором лежала ее папка. Остальные три стула, стоящие полукругом напротив, были еще пусты. Судя по часам, через несколько минут придут ее клиенты. И тогда она наконец встретится с Питом ван Луном.

Вчера вечером она попыталась через программу на своем ноутбуке открыть протоколы сеансов Ирены Эллинг, но у

нее оказалось недостаточно прав. Видимо, директор Холландер и доктор Кемпен еще не доверяли новой практикантке.

Сердце Ханны забилося быстрее, когда она услышала шаги и побрякивание цепей в коридоре. Цепи? Дверь открылась, и в кабинет вошел сотрудник тюрьмы в голубой униформе. На поясе у него висели большая связка ключей, наручники, газовый баллончик, дубинка и тазер.

Мужчина кивнул Ханне.

– Ваши клиенты здесь. Не подходите к ним ближе, чем на два метра, ничего не давайте клиентам, ничего не принимайте от клиентов. Вы поняли?

Ханна кивнула.

– Хорошо. – Он отошел в сторону, освобождая проход. В комнату друг за другом вошли трое мужчин. Сначала высокий лысый здоровенный парень с бычьей шеей, за ним маленький неказистый. На обоих была одинаковая тюремная одежда: кроссовки без шнурков, серые штаны и бордовые толстовки. Третьим и последним был светловолосый привлекательный мужчина лет тридцати. На его груди был номер 23. Пит ван Лун.

Их руки не были связаны, но цепь на лодыжках позволяла делать лишь маленькие шаги, не давая передвигаться быстро. Мужчины выстроились перед Ханной. Очевидно, их предварительно проинструктировали. Ханна подождала немного, так как надеялась, что охранники снимут с заключенных цепи, но ничего подобного не произошло.

Обычно Ханна протянула бы мужчинам руку, но внутренние правила запрещали любой телесный контакт между терапевтами и клиентами. К тому же она должна была соблюдать предписанную безопасную дистанцию.

– Меня зовут Ханна Норланд. – Она старалась говорить твердым голосом. – Мне очень жаль, что ваша предыдущая терапевт погибла. Я постараюсь...

Мужчины обменялись многозначительными взглядами, которые Ханна проигнорировала.

– Я постараюсь заменить ее в меру своих сил и надеюсь на продуктивную совместную работу, – закончила она предложение.

Ханна вытерла вспотевшие ладони за спиной о брюки и надеялась, что никто из мужчин не почувствовал ее волнения. В одежде она отказалась от красного, желтого и оранжевого цветов и надела черные джинсы и серый пуловер. «Ты сможешь! Групповая терапия не так опасна, как индивидуальная, – пыталась она успокоить себя. Ее взгляд скользил по лицам Осси, Виктора и Пита. В любой группе всегда есть фанат, который считает, что должен приглядывать за терапевтом. Кто будет у меня – педофил, садист или психопат?»

Между тем в комнату вошел второй охранник, тоже с дубинкой, газовым баллончиком и тазером. Он закрыл дверь и встал рядом со своим коллегой. Оба без интереса смотрели перед собой, и казалось, что они видят сквозь кирпичную стену до самого горизонта.

Ханна с раздражением наблюдала за обоими мужчинами.

– Вы останетесь здесь?

– Такова инструкция.

– Все время?

Один кивнул.

– Каждую чертову минуту, всю неделю, весь год.

В описании проекта об этом не было речи. Ханна пыталась не выдать своего негодования. Она надеялась, что сможет беседовать с заключенными наедине. Иначе как ей добиться непринужденной и доверительной атмосферы?

– Такие правила ввели два года назад, – пояснил самый щедушный из трех заключенных.

Из досье Ханна знала, что это Осси. На плече у него сидела белая крыса с красными глазами, которая как раз подняла голову и с любопытством принюхивалась. Пятидесятилетний лысеющий мужчина выглядел невзрачно. Бывший детский педагог был якобы счастлив в браке, имел двоих взрослых детей, дом с садом – но каждый раз, когда его жена осенью уезжала в отпуск, он похищал пятилетних мальчиков, насиловал, а затем убивал и ночью зарывал в цветочной клумбе.

– Спасибо. Это ваш питомец? – спросила Ханна.

Осси кивнул.

– Терапевты сказали, это полезно для меня и моего социального поведения. Я должен учиться брать на себя ответственность. Вы против?

– Против крысы или того, чтобы вы работали над своим социальным поведением?

Осси зафиксировал ее взглядом.

– Очень смешно! Вы имеете что-то против моей крысы, да?

Веселенькое начало! Правда, из досье Осси Ханна знала, что он не только педофил, но и параноик.

– Нет. Крыса может участвовать в групповой терапии. – Она оглядела клиентов. – Пожалуйста, выберите себе стул и садитесь.

Осси приблизился к ней на опасное расстояние, и, хотя первая инстинктивная реакция была отпрянуть, Ханна не отступила ни на шаг. Напротив – она подняла голову и уверенно посмотрела ему в глаза.

– Вы невзлюбили мою крысу, – заявил Осси. – Поэтому мы с Трики решили: нам нравится этот стул.

«О’кей, он хочет затеять игру». В группе всегда есть тот, кто закидывает удочку, чтобы посмотреть, как далеко он может зайти.

– Сожалею, но это мой стул, и я не хочу, чтобы у меня сидели на коленях. Вы можете выбрать из трех других.

– Но мы хотим этот!

– Как вы видите, на нем уже лежит моя папка.

Осси сделал еще полшага в сторону Ханны.

– Если нам с Трики нельзя сидеть на этом стуле, мы не будем участвовать в сеансе терапии, вот так.

Краем глаза Ханна заметила, как один из охранников нетерпеливо барабанил по рукоятке дубинки, но легким движением руки дала понять ему, что не нужно вмешиваться. Некоторые вещи она должна уладить сама.

– Садитесь. Немедленно. Или вылетите из группы. Вам решать! Но если вы пропустите первый сеанс, то сможете присоединиться к моей второй группе лишь через несколько месяцев.

Их взгляды встретились. Это напоминало игру, в которую она до изнеможения играла в детстве с сестрой. Кто первый моргнет, тот проиграл. Она никогда не проигрывала. И сейчас не проиграет. Тем более такому, как Осси.

Она спокойно дышала и фиксировала взглядом зрачки Осси, которые становились все уже. Спустя полминуты Осси наконец улыбнулся. Отвернулся и кратко сказал:

– Ладно, стул ваш.

– Хорошо. – Она выдохнула и надеялась, что этого никто не заметил. – Еще кто-нибудь хочет устроить подобное шоу?

Никогда не используй резких слов – гласило одно из правил психотерапии. Но с этими заключенными она должна была повернуть ситуацию в свою пользу. По крайней мере, на первом сеансе.

Здоровенный Виктор молчал, а Пит ван Лун стоял у окна и смотрел на море, словно его все это не касалось.

– Тогда я прошу вас сесть, и давайте начнем со знакомства.

Пит ван Лун не отводил взгляда от горизонта.

– Знакомство, как оригинально, – пробурчал он. У него был голландский акцент, и голос показался Ханне – если уж быть честной с собой – интересным; резким, но интересным.

Теперь к ней развернулся и лысый великан. Виктору было чуть больше пятидесяти.

– Меня эти рассказы не интересуют, я лучше постою. – Его выговор с русским акцентом звучал жестко. – И я еще подумаю, буду ли вообще что-нибудь говорить. – Он также сделал шаг в сторону Ханны, и она почувствовала его свежее дыхание и запах одеколona.

Несмотря на грубое телосложение, его ногти были чистые, лысина отполирована, а лицо свежевыбрито. Но взгляд! Эти глаза не обещали ничего хорошего.

Из досье Виктора Ханна знала, что он крайне умен. Вырос в России, изучал архитектуру в Берлине, там же руководил собственным бюро с тремя сотрудниками и даже получил несколько наград за проекты жилых домов – и тем не менее он был прожженным садистом, который жестоко издевался над людьми и животными.

Виктор выдержал ее взгляд.

«Вот это да, у тебя отлично получилось», – подумала Ханна. Если она сейчас уступит и проявит слабость, то уже никогда не завоеует уважение заключенных. Рисковать второй раз и блефовать, как с Осси, ей не хотелось. К тому же не похоже, чтобы Пита и Виктора впечатлили угрозы молодого

психотерапевта.

Она взяла папку со стула, села и положила ногу на ногу.

– Итак, на моих сеансах терапии знакомство выглядит следующим образом, – начала она. – Никто не говорит о себе, а каждый представляет своего соседа и может рассказать о нем все, что захочет.

Осси и Виктор удивленно подняли глаза и уставились на нее. Даже Пит повернул голову и взглянул в ее сторону.

«Я знала, что это вас заинтересует».

– Однако... – Она подняла палец, потому что было важно определить границы. – Мы будем относиться друг к другу с уважением. Это означает, что мы слушаем и не перебиваем, что бы другие ни говорили.

– Звучит интересно. – Осси первым сел на стул слева от Ханны. Он снял крысу с плеча, посадил ее себе на колени и начал гладить. – Я расскажу вам о Викторе. Он...

– Стоп! – перебила его Ханна. – Я сказала, каждый рассказывает о своем соседе. А у вас его еще нет.

Осси посмотрел на Виктора.

– Эй, садись давай, будет весело.

Виктор остался стоять.

– Мне интересно, что веселого можно обо мне рассказать.

– Садитесь, тогда узнаете, – предложила ему Ханна. Он нехотя придвинул к себе стул, перевернул его и сел перед Ханной, положив руки на спинку.

Спинка стула служила своего рода барьером между Вик-

тором и ею, словно он хотел изменить правила игры в соответствии со своими представлениями. Но как бы то ни было – он сидел, и это было важно. Теперь один Пит ван Лун стоял у окна и наблюдал за волнами. Он наверняка не упустил ни одного слова из того, что они обсуждали.

– Валяй, маленькая крыса! – Виктор улыбнулся, показав два ряда белоснежных зубов.

– Я даже не знаю, с чего начать, – заулыбался Осси. – Виктор абсолютно больной извращенец, его психика представляет собой жалкое зрелище. Его учеба на архитектора ничего не дала. Никакая учеба ничего не дает. Если кто-то с рождения психически болен, даже самая лучшая школа не поможет. К тому же он ненавидит животных. Он должен их ненавидеть, иначе не стал бы запираить их у себя в подвале, истязать и творить с ними неизвестно что. И на Трики он все время косо смотрит, как будто хочет откусить ему голову... – Осси сделал паузу и нежно погладил свою крысу по мордочке и спинке. – А потом он все то же самое делал и с людьми.

Виктор все это время не поднимал глаз, и Ханна видела, как он борется с собой, чтобы сохранять спокойствие. В его досье стояло, что он не только истязал других, но и страдал манией величия.

– Люди, которые издеваются над животными, последние твари, – продолжал Осси. – Но он не любит ни цветы, ни людей. У него никогда не было семьи. А ведь так прекрасно иметь большую семью с детьми, которая дает тебе чув-

ство надежности. И чтобы компенсировать отсутствие любви, которой ему не хватает, он постоянно жрет, поэтому такой жирный.

Тут Виктор обернулся.

– Пит, ты считаешь, что я поправился?

Пит по-прежнему смотрел в окно.

– Нет, просто комната стала меньше.

– Ха, слышал?

– Эй, сейчас моя очередь! – резко перебил его Осси. – Я спросил Виктора, был ли он когда-то женат. Знаете, что он ответил? Брак как ловушка для куниц – те, кто еще на воле, всеми силами хотят в нее попасть, а те, которые уже попали, – выбраться. – Он посмотрел на Ханну. – Я ответил на ваш вопрос о нем?

– Спасибо, это было очень хорошо. Теперь вы, Виктор.

На протяжении последней минуты Виктор качал ногой и двигал челюстью, словно лихорадочно обдумывал, как отомстить Осси.

Он подвинулся вместе со стулом вперед.

– Осси насильник детей, хлюпик, трус, стоящий на самой низшей ступени эволюции. Да, он сам подвергся насилию в детстве, но я не верю в это психологическое дерьмо. «Психика человека не выдерживает испытания быть всю жизнь жертвой», – передразнил он чей-то женский голос. Вероятно, предшественницы Ханна. – Чувство наслаждения связывается с насилием, и много лет спустя ему снова хочется пе-

режить те события, только на этот раз преступником становится он сам. Херня! От него, как и от его крысы, несет потом и мочой. Его тонкие волосы выпадают, они повсюду. Это отвратительно. Они оба выродки, он и крыса, как результат неудачного имбридинга. И наверняка его жена, эта шлюха, постоянно ему изменяла, как делают все женщины.

Ханне показалось, что в комнате стало холодно. Ее пробирает озноб. Осси был абсолютно спокоен – видимо, ему уже не в первый раз приходилось все это выслушивать.

– Женщины говорят, что хотят иметь заботливого мужа, понимающего друга, который придержит им дверь, всегда гладко выбрит и опрятно одет, – продолжал Виктор. – А на самом деле мечтают о грубом, потном и бородатом мужике, который силой возьмет их на кухонном столе. Разве не так? – Он взглянул на Ханну, но та никак не отреагировала. – Вот такой и была жена Осси. Повесила ему на шею двоих детей неизвестно от кого, потому что его самого женщины не интересуют. Семья, дети, цветы, сад – все показное. На самом деле он предпочитает кое-что другое, но слышать этого не хочет. Представление закончено. – Виктор сжал губы и замолчал.

– Очень хорошо, спасибо за откровенные слова. – Ханна заметила, что Осси хочет возразить, но знаком дала ему понять, что сейчас не его очередь. – А теперь вы, Пит. Не хотите ли присесть и высказать свое мнение об одном из ваших коллег?

Пит отвернулся от окна. Он был высокий и стройный, с мускулистыми плечами и красивыми глазами. Ханна надеялась, что в ходе терапии сможет выяснить, почему парень с подобной внешностью убивал женщин таким зверским способом.

Пит медленно подошел к одному из стульев и сел. Ханна на это не рассчитывала. Его психологическому портрету и уровню интеллекта больше соответствовал бы отказ от участия. Но когда Пит открыл рот, она поняла, что не ошиблась в нем.

– По вашему взгляду я вижу, что вы удивлены, – сказал Пит. – А так как я могу прочесть многое по вашим жестам, то расскажу кое-что о моей соседке. То есть о вас.

Этого стоило ожидать.

– Но мы говорим здесь не обо мне.

– Вот еще! Это ваши правила!

– Но мы...

– Вас не учили в университете, что нельзя перебивать клиента?

«Ладно», – подумала Ханна. Она сформулировала правило подобным образом, а он повернул условия в свою пользу и перехитрил ее. Она пойдет на это.

– Пожалуйста, мне очень любопытно. – Ханна улыбнулась.

– Вы изучали психологию, потому что у вас самой – как и у большинства тех, кто интересуется этой наукой, – есть

серьезная психическая проблема. Уже подростком вы догадывались, что не такая, как другие девушки. Комплексы, фобии, депрессии, психологические травмы... широкий спектр. Жизнь была сурова к вам – впрочем, как и вы сами. – Он указал на ее запястье. – Старый шрам. Подростковый возраст?

Ханна не сглотнула, не начала дышать быстрее и уж тем более не попыталась оттянуть рукав, чтобы спрятать шрам. Она лишь внимательно слушала.

– Но вы слишком умны, чтобы отгородиться от проблем, поэтому начали разбираться в себе, – продолжал Пит. – Ваша непохожесть заставила вас выбрать поведенческую терапию – вероятно, судебно-медицинскую психологию, потому что большинство заключенных в «Штайнфельзе» сексуальные преступники. В противном случае вы бы сюда не приехали. Но почему, спрашиваю я себя? Чисто из интереса к больной одержимости? Вы сексуально закомплексованы? Или подверглись насилию? Вероятно, всего понемногу. Прежде чем помогать другим, вы должны сначала излечиться сами. Вам буквально не терпелось пройти курс самопознания. Что же с вами произошло? Вы не носите ни обручального, ни помолвочного кольца. Видимо, друга у вас тоже нет, иначе вы бы не переехали сюда на целый год. Ваш взгляд подтверждает мне, что я прав. Разве нет?

– Да, Пит, задай ей! – выкрикнул Осси.

– Заткнись! – тихо сказал Пит, не отрывая взгляда от Хан-

ны. – Судя по акценту, вы родом из Нидерландов. Но учились в Германии, иначе вас никогда бы не взяли на эту работу. Ваша учеба в Германии была своего рода побегом? Побегом с родины? Нет, для этого у вас слишком выраженный акцент. Побегом от семьи? Скорее это! Но куда бы вы ни сбежали – даже в такую современную тюрьму, как эта, – свободу вы обретете лишь тогда, когда взглянете своим страхам в глаза. Так что же это за страхи, Ханна?

Она не ответила, но старалась не глотать и выдержать пронзительный взгляд Пита.

– Я вижу, как вы сжимаете челюсти, – продолжил он. – Как ускоряется ваш пульс, как ваши щеки краснеют от ярости. Похоже, я задел за живое. При этом вы считали себя ужасно хитрой. Вы смогли применить на нас свои ничтожные, прилежно заученные из учебников теории и натравить Осси и Виктора друг на друга. И чувствовали себя невероятно умной, потому что вам удалось усадить нас на эти три стула. На самом деле мы всего лишь средство для достижения цели – а именно попытки излечить вашу больную душу.

– Нам вмешаться? – спросил один охранник, по-прежнему неподвижно стоящий у двери.

– Нет, спасибо, все в порядке, – отказалась Ханна. Ее пульс действительно ускорился, ладони вспотели, и она заметила, что голос охрип. Теперь ей пришлось сглотнуть, и она бы много отдала за стакан воды.

Пит откинулся назад.

– Я уже закончил.

Она кивнула.

– Вы отлично справились. Спасибо за ваши мысли и откровенность.

– Было понятно, что вы это скажете, – возразил Пит. – Вы должны ответить что-то подобное. В конце концов, этому учат в университете, верно?

– Точно. – Она улыбнулась.

– Ваша надменность всего лишь средство самозащиты, чтобы не подпустить никого из нас слишком близко.

В самую точку! Ханна пыталась не глотать.

– Вы закончили? – спросила она.

– Да.

– Хорошо, потому что сейчас я открою вам смысл этого упражнения. – Она опустила ногу, которая была перекинута на другую, и подвинулась со стулом к мужчинам. – На самом деле каждый из вас – и вы тоже, Пит – подсознательно говорили исключительно о себе и своих убеждениях. Вспомните свои слова и подумайте о том, что сказали.

Осси и Виктор смотрели на нее, открыв рот. Даже Пит мгновение выглядел удивленным. Ей показалось, что на его лице отразилось что-то вроде уважения. И она заметила еще кое-что. Все это время он держал руки сжатыми в кулаки – обычно верный признак напряжения. Но Пит ни секунды не выглядел напряженным. Наоборот. Он казался спокойным, сконцентрированным и говорил обдуманно – просто со сжа-

тыми кулаками.

– Я отпускаю вас раньше запланированного. Мы познакомились и начали приглядываться друг к другу. Не стоит перебарщивать. Используйте это дополнительное время себе на пользу. Завтра продолжим. – Она взяла папку.

Осси погладил свою крысу.

– А чем мы завтра займемся?

– Я хотела бы поговорить с вами о ваших страхах.

Осси поднялся и посадил Трики себе на плечо.

– Единственный страх, который есть у меня... – пробормотал он и покосился на охранников, но не закончил предложение.

Ханна дождалась, пока Виктор и Пит поднялись, и проводила всех троих взглядом – они вышли из комнаты в коридор, где их ждали еще двое охранников. И гуськом, маленькими бряцающими шагами направились в сторону блока строгого режима.

Завтра ей предстояло очередное испытание, потому что из-за присутствия охранников никто не будет говорить с ней по душам. Она непременно должна обсудить это с директором Холландером.

Ханна вышла в коридор и увидела, как Пит ван Лун в сопровождении двух охранников направился в другой проход.

– Куда его ведут? – спросила она сотрудника, который запер кабинет для сеансов терапии.

– В библиотеку, он якобы хочет взять книгу.

Четверг, 1 октября

Сабина и Снейдер приземлились в четырнадцать часов в Берне, где их встретил полицейский федпола на черном минивэне.

– Расследование ведет федпол? – Единственное, что спросил Снейдер у водителя, который кивнул и положил их багаж в машину.

Сабина взяла лишь дорожную сумку с ноутбуком и одеждой на неделю. Снейдер же путешествовал с огромным чемоданом на колесиках, который он обвязал старым кожаным ремнем. Похоже, у него с собой был целый мобильный кабинет.

В машине работал кондиционер, но это было не обязательно, так как над горами сгустились темные тучи и стало прохладно. Поездка до центра Берна длилась полчаса. Сабина написала сестре короткое эсэмэс, что отпуск пришлось отложить и она позвонит, когда появится удобная возможность.

Тем временем Снейдер разговаривал по телефону и отправил несколько сообщений. Сабина лишь уловила, что он отменил свои лекции в академии и теперь его должны бы-

ли замещать коллеги. За два года учебы Сабина не раз с этим сталкивалась. На одном семестре Снейдер отсутствовал целый месяц. И каждый раз, когда он возвращался после успешно раскрытого дела, с его лица исчезала нездоровая бледность. Погоня за преступником действовала на него, как волшебный эликсир. И судя по его теперешнему виду – ввалившиеся глаза и напряженные от кластерной головной боли виски, – пришло время поймать очередного убийцу.

Какое-то время они ехали вдоль реки Аре и наконец добрались до участка, оцепленного полицейскими машинами. Слева полуостровом простирался «старый город», справа каменный мост с тремя арками вел на другую сторону города. Их водитель остановился перед мостом.

Сабина и Снейдер вышли из машины. В лицо им тут же ударил на удивление холодный ветер. Неподалеку на берегу стояли две пожарные машины и большой строительный кран. Пожарные возвели рядом с мостом конструкцию, похожую на временную армейскую платформу.

– Сейчас вы познакомитесь с Рудольфом Хоровитцем, – сказал Снейдер. Это прозвучало как угроза. – Он немного... взбалмошный. Реагируйте на его настроение спокойно.

– Взбалмошнее, чем вы? – спросила Сабина. Это, должно быть, шутка. – Вы родственники?

Снейдер посмотрел на нее без каких-либо эмоций.

– Сделайте мне одолжение и постарайтесь в моем присутствии...

– Больше никогда не шутить, – закончила предложение Сабина.

Снейдер молча отвернулся.

Им навстречу в инвалидном кресле катил мужчина лет семидесяти, с седыми редеющими волосами.

– Это он? Снейдер кивнул.

– Он же...

– Парализован ниже пояса, – объяснил Снейдер. – Пять лет назад пуля попала ему в позвоночник, раздробила четвертый поясничный позвонок, застряла в кости и полностью разрушила спинной мозг.

– Нет, я не об этом. Он... старый.

Снейдер коротко взглянул на нее.

– Я бы назвал это *опытный*.

Они прошли мимо нескольких патрульных автомобилей, полицейских, следователей и пожарных, которых Снейдер демонстративно проигнорировал. Сабина буквально чувствовала ожидающие и любопытные взгляды, направленные им в спину.

В следующий момент Хоровитц подъехал к ним. Он протянул Снейдеру руку, и тот крепко ее пожал.

– Мы не виделись больше трех с половиной лет. Твои визиты прекратились, – сказал Хоровитц.

– Было много дел.

– А ты, друг, пострашнел.

Снейдер ничего не ответил, что было на него не похо-

же. Очевидно, Хоровитца ничуть не смущали особенности Снейдера, так как он сам был своенравным чудаком, а Снейдер такое уважал.

Хоровитц посерьезнел.

– Я слышал, твой партнер умер. Соболезную.

– Уже давно. Иммунодефицит. Я справился с горем. – Снейдер взглянул на Хоровитца. – Но особо не надейся. Ты для меня слишком стар.

Хоровитц улыбнулся.

– А ты не изменился. Может, представишь мне свою молодую спутницу?

– Немез – Хоровитц, Хоровитц – Немез, – сказал Снейдер. – Труп под мостом? – Он ступил на металлическую платформу.

Хоровитц коротко кивнул Сабине.

– Да. Его обнаружили сегодня около семи утра.

Снейдер направился к первой арке, а Хоровитц развернулся в своем кресле.

– Не обижайтесь на этого старика, – прошептал он. – Иногда он бывает взбалмошным. Рудольф Хоровитц. – Он протянул Сабине руку.

– Сабина Немез, – ответила она. Его рукопожатие было крепким, кожа на ладони шершавой от управления инвалидным креслом.

– Я не знал, что у него есть партнерша.

– С сегодняшнего дня. Президент БКА Хесс решил, что

он должен работать в команде.

– Снейдер и... в команде? – Хоровитц рассмеялся. – Видимо, старый добрый Хесс решил поиздеваться над ним?

Сабина кивнула. Видимо, о напряженных отношениях обоих мужчин знали даже за пределами страны. Насколько Сабине было известно, четыре года назад Снейдер спас жизнь жене Хесса, когда тот позорно облажался как начальник службы безопасности на одной конференции. Снейдер обвинил своего руководителя в некомпетентности, за что Хесс по сей день держал на него обиду. В свою очередь Снейдер ждал от Хесса банального «спасибо» – которого, разумеется, так и не последовало. К счастью, с тех пор Снейдер находился под личной защитой жены Хесса Дианы, иначе тот давно бы отстранил Снейдера от работы за его эскапады.

– Пойдемте, я покажу вам место преступления. – Хоровитц ухватился за колеса своего инвалидного кресла и покатил по металлическому помосту.

Сабина последовала за ним. Когда они добрались до первой арки моста, Сабина невольно затаила дыхание. Под темным сводом на одних лишь собственных волосах болталась обнаженная женщина. Ее лицо было повернуто в сторону, но Сабина дала бы ей на вид лет пятьдесят. Черные длинные волосы крепились где-то под перекрытием арки моста. Две вороны, которых не пугало присутствие Снейдера, сидели на плечах убитой и клевали ее плоть.

Любой другой следователь, которого знала Сабина, тут же

разогнал бы ворон, но Снейдер неподвижно стоял и наблюдал за этой сценой.

– Кто-то уже был на месте преступления? – прошептал Снейдер, чтобы не спугнуть ворон.

– Да, несколько людей из криминалистического отдела, – ответил Хоровитц, – но я отослал их обратно.

Снейдер едва заметно кивнул.

– У тебя есть фонарик?

Хоровитц подъехал ближе и протянул ему маленький карманный фонарик, которым Снейдер осветил опоры и нижнюю часть моста. Он вытянул свободную руку, растопырил пальцы, словно хотел почувствовать ветер, и шумно вдохнул коктейль из всевозможных запахов, скопившихся под мостом.

Каждое место обнаружения трупа имеет собственную уникальную атмосферу – так всегда утверждал Снейдер. Оно как раненое существо в предсмертной агонии, чье дыхание с каждой минутой ослабевает, то и дело пропадает, пока не исчезнет безвозвратно. Снейдеру было необходимо остаться наедине с местом преступления, пока коллеги не прошлись по нему в своих бахилах и не разрушили хрупкую атмосферу.

– Как убийце удалось таким образом прикрепить труп? – спросила Сабина.

Снейдер коротко обратился к Хоровитцу:

– Сверху на мосту предусмотрена шахта с доступом к

электропроводке для освещения?

– Нет, – ответил Хоровитц, – но есть своего рода колодец для отвода дождевой воды.

– Тогда наш убийца поднял крышку люка, привязал к волосам трупа веревку и спустил на ней тело через колодец. – Снейдер сделал паузу. – Но вопрос не в этом, Немез! – Снейдер присел на корточки и оглядел берега реки. – Вопрос заключается в том, почему он сделал все именно так, а не иначе? Он мог бы повесить труп на дереве в лесу и не рисковать, что его увидят. – Снейдер продолжал сидеть на корточках. – Полагаю, это место не попадает в поле видимости камер на мосту?

Хоровитц мотнул головой.

– Мертвый угол.

– Уличное освещение на мосту отключают ночью?

– Между двумя и пятью часами.

– Предполагаю, что он притащил сюда убитую ровно в два часа ночи. После отключения освещения одну-две минуты стоит особенная темнота, пока глаза возможных свидетелей привыкают к сумеркам.

– Слишком притянута за уши, – заметила Сабина.

– Нет, несколько. – Снейдер помотал головой. – Я бы сделал именно так, а если убийца хоть немного соображает – а он соображает, – он бы действовал точно так же. – Снейдер огляделся. – Вероятно, он перевозил труп в небольшом фургоне или грузовике. Если проанализируете записи с ка-

мер видеонаблюдения и проверите все машины, которые за это время проехали по мосту, то почти наверняка выясните, что среди них был украденный автомобиль.

– Мы его уже нашли. Небольшой грузовик черного цвета. Стоял недалеко от Центрального вокзала.

– Дай угадаю: криминалисты ничего не обнаружили. Хоровитц кивнул:

– Только следы жертвы.
– Когда и где был украден автомобиль?
– Вчера, также на Центральном вокзале.

Снейдер задумчиво посмотрел на труп.
– Почему он вернул грузовик?
– Возможно, убийца не из Берна, – предположил Хоровитц. – Он приехал на поезде и скрылся тем же способом.

– Не-ет. – Снейдер прозвучал не очень убедительно. – Он не хотел, чтобы об угоне заявили в полицию. Однако это ему не удалось. Первая ошибка. На вокзале есть камеры видеонаблюдения?

– На этой парковке нет.
Снейдер снова посмотрел вниз по реке.
– Что отсылает нас к первоначальному вопросу. Почему он рискует и размещает труп именно так? – Он, кряхтя, поднялся. – Когда восход солнца?

– В семь двадцать девять.
– Когда именно обнаружили труп?
– В семь десять.

Снейдер сунул в рот самокрутку. Через несколько секунд под мостом распространился сладковатый запах марихуаны.

– Полагаю, женщина весит шестьдесят килограммов, смерть наступила максимум двадцать четыре часа назад. Гниение началось недавно, так что корни волос еще не ослабли и волосы не вырываются. Иначе труп упал бы в воду и поплыл по течению. Но он хотел, чтобы мы нашли ее именно вот так. Поэтому подвесил ее здесь, а не где-то в лесу.

Сабина напряженно прислушивалась и видела, что Хоровитц тоже внимательно слушает.

– Почему он хотел, чтобы ее нашли висящей? Выставленной на обозрение всем жителям Берна, как только взойдет солнце? – Снейдер обернулся к Сабине: – Вот вопрос, на который мы должны ответить. – Затем посмотрел на Хоровитца: – Меня беспокоит еще кое-что: почему ты меня вызвал? Я вряд ли смогу сказать тебе больше, чем ты и сам знаешь.

В следующий момент сильный порыв ветра под мостом качнул и развернул труп. Сабина затаила дыхание. Лицо убитой обвисло, глаз и губ уже не было. А на ее животе, между пупком и лобковыми волосами, был вырезан знак бесконечности.

Сабина невольно подумала об убитой судье из Дортмунда

Йоане Бек и о символе у нее на лбу.

Снейдер тоже замороженно рассматривал труп. Он вытащил косячок изо рта и полез в карман пиджака за диктофоном.

– Я знал, что тебя это заинтересует, – сказал Хоровитц.

– Да. – Снейдер подошел ближе к трупу, поднес диктофон ко рту и стал говорить в микрофон: – Я знаю, чей это почерк, но это невозможно... – Он затаился, закрыл глаза, и его голос внезапно изменился – стал деловым, отстраненным и холодным. – Подозреваемый под номером ноль. Я полагаю, вы находитесь неподалеку и в этот момент наблюдаете за нами. Что вы чувствуете, видя нас стоящими рядом с трупом?

Снейдер был в своей стихии – теперь ему лучше не мешать.

Похоже, Хоровитца посетила та же мысль, и он подал Сабине знак следовать за ним. Они удалились от места преступления на несколько метров по настилу в сторону берега. Сабина снова взглянула на мужчин и женщин, которые ждали на берегу, когда Хоровитц наконец разрешит им продолжить работу. Один рыжеволосый мужчина в черной ветровке особенно нервничал. К счастью, он не знал, что теоретически Снейдер мог провести рядом с трупом несколько часов.

Хоровитц кивнул в сторону берега.

– Это Рюти из федпола. Он руководит следствием. Молокосос, который всего три года на службе. Не обращайтесь на него внимания.

– Я тоже окончила академию этим летом, – объяснила Сабина.

– Надеюсь, это не прозвучит нетактично, но вы выглядите намного старше.

– Мне тридцать, и раньше я служила в уголовной полиции Мюнхена.

– Крутая карьера, – заметил Хоровитц, и Сабина не знала, иронизирует он или нет, но склонялась к первому варианту. – Но если вы партнерша Снейдера, значит, мозги у вас на месте, – продолжил Хоровитц, – потому что желторотых юнцов Снейдер рядом с собой не потерпит.

– Вы можете заткнуться? – прокричал Снейдер. В следующий момент он снова отвернулся к труп.

– Пойдемте, – прошептал Хоровитц и покатиł в своем инвалидном кресле к берегу. – Не будем мешать мастеру.

– Почему вы вызвали Снейдера в качестве консультанта?

– Это больше, чем просто консультирование, – поправил ее Хоровитц. – Всесторонняя поддержка по взаимному обмену информацией – международная помощь, если хотите.

– А почему?

– Ну, он знаком с жертвой. Так же, как и я. Это Никола Висс. Она является – или, скорее, являлась – директором федпола. Руководила федеральным ведомством полиции. К тому же была членом рабочей группы по безопасности, которая консультирует комитет безопасности бундесрата.

Сабина посмотрела в сторону берега.

– Поэтому все так нервничают.

– Нервничают – не то слово. – Хоровитц попытался улыбнуться. – Взгляните на людей там. Они боятся. И знаете почему? У них есть знания и технологии, но нет опыта в их применении. – Хоровитц посмотрел на Сабину: – Почему вы улыбаетесь?

– Да так, ничего особенного. – Она помотала головой. Почему Хоровитц не должен быть с ней откровенным? – Снейдер сказал мне, что вы с ним очень похожи.

– И что вы думаете?

– В определенном смысле он прав, но у меня сложилось впечатление, что вы более расслаблены.

– Внешне, наверное. В конце концов, мне уже семьдесят, и у меня просто нет сил волноваться по несколько раз в день.

Сабина засмеялась, но потом снова посерьезнела.

– Снейдер хорошо знал жертву?

– Да, можно и так сказать. – Хоровитц сжал губы. – Пять лет назад она хотела открыть дисциплинарное дело в отношении Снейдера.

Сабина пожала плечами.

– Она не первая, кто пытался это сделать. – Потом задумалась. – Но из-за границы?

– Висс подала начальнику Снейдера жалобу на его действия и инициировала дисциплинарное судопроизводство. Дело чуть не дошло до конки.

– «Конка»? – удивленно повторила Сабина.

Хоровитц поморщился.

– Вы действительно еще не так долго на службе. Это означает: конец карьеры, – объяснил он. – Тогда Висс чуть не разрушила его карьеру. БКА провело ревизию и ведомственное расследование. В итоге к делу подключилась прокуратура Висбадена, которая, – после того как я дважды дал показания, – решила не заводить уголовного дела.

Хоровитц замолчал, но Сабина не стала расспрашивать. Если он захочет рассказать что-то еще, он это сделает.

Они достигли берега и перебрались с платформы на мост. Сабина застегнула молнию куртки, сунула руки в карманы и села на каменный парапет. Хоровитц смотрел на реку вниз по течению. У них за спиной полицейский направлял транспорт в объезд.

– Пять лет назад мы со Снейдером работали над одним международным делом, – заговорил Хоровитц. – Вместе составили психологический портрет убийцы и шли за ним по следу до самой Швейцарии. Снейдер прилетел в Берн. Мы догадывались о планах преступника и действительно сумели предотвратить еще одно убийство.

– Вы его схватили?

– Да, схватили, но... – Хоровитц сделал паузу. – Называйте это сопутствующими потерями. Мы очень рисковали, но в итоге победили. Преступнику я обязан тем, что сижу сейчас в инвалидном кресле, а Снейдеру – жизнью.

Четверг, 24 сентября

– Вы хотите со мной поговорить? – спросил директор Холландер.

Ханна сложила руки за спиной.

– Да, и я признательна, что вы так быстро смогли найти для меня время.

– Пять минут, затем у меня телефонная конференция.

– Конечно. – Ханна была уверена, что Морене было велено выставить ее из кабинета через пять минут.

– Присаживайтесь.

– Спасибо, я постою.

Директор Холландер остался сидеть за своим массивным письменным столом.

– Как прошла ваша первая встреча? – Он взглянул на монитор своего компьютера и принялся кликать мышкой. – Я не нашел вашего отчета в программе терапии.

– Наш сеанс недавно закончился, и у меня еще не было времени вписать результаты.

– Ах вот как? – Холландер удивленно посмотрел на нее. – Эта программа – ключевой элемент нашей терапии. Ключевой элемент этой клиники, если хотите. Я очень ценю со-

трудничество и дисциплину – потому что лишь так мы добьемся успеха.

– Именно об этом и речь, – сказала Ханна. – Я могу добиться успеха лишь в том случае, если клиенты будут доверять мне, а основа доверия – благоприятная атмосфера, располагающая к непринужденным разговорам.

– Я слышу нотки сарказма в вашем голосе?

– Нет, я никогда бы себе этого не позволила, – быстро возразила она. – Но если я не могу предложить своим клиентам такую атмосферу, то терапия просто абсурдна.

– Ну, для этого вы и учились. Вы, конечно, молоды и не очень опытные, но придумайте что-нибудь.

– Это невозможно. Клиенты приходят в кандалах. Это же средневековые методы.

– Да, вы верно заметили, у нас очень строгие меры безопасности. Клиенты покидают свои камеры только в кандалах. Это и в ваших интересах. Кроме того, я не могу подвергать своих сотрудниц риску.

– Как хотите, – ответила Ханна. – Но есть еще один пункт. В присутствии охранников клиенты никогда не расскажут мне о своих настоящих фантазиях или скрытых причинах своих поступков. Они будут опасаться, что один из сотрудников передаст информацию в отдел психиатрической экспертизы лиц, совершивших насильственные и сексуальные преступления.

– Хотите сказать, что мой персонал разглашает конфиден-

циальную информацию?

– Нет, я вообще ничего не хочу сказать. Но клиенты могут такое допускать. Поэтому будут вести себя так, как мы этого от них ожидаем.

Холландер жалостливо вздохнул.

– Не люблю повторяться, но вы сами захотели пройти у нас практику – и, несмотря на ваш юный возраст, я дал вам такой шанс. Вы чувствуете, что не справляетесь?

– Ни в коем случае. Я просто хотела сказать, что не смогу выстроить доверительных отношений с клиентами, пока на сеансах терапии будут присутствовать вооруженные охранники.

Холландер подался вперед.

– Что вы предлагаете? Оставить вас одну в комнате с тремя мужчинами?

Ханна сделала глубокий вдох и выдох.

– Да.

– С педофилом, садистом и психопатом?

– Я думала, все трое клиенты? – едко заметила она.

– Так и есть, но ваше предложение связано с огромным риском. Если я оставлю ваших клиентов в кабинете для терапии без надзора, тогда мне придется связать им руки и ноги и приковать всех троих к стульям. Вам так больше понравится?

– Нет.

– Вот видите! То есть вы хотите проводить сеансы психо-

терапии наедине со своими подопечными, в то время как они могут свободно перемещаться по помещению?

– Я беру на себя всю ответственность.

– Всю ответственность, – со смехом повторил он. – Сколько вам лет? Сколько раз вы уже бывали в похожих ситуациях? – Это был риторический вопрос, потому что он был очень хорошо знаком с ее личным делом. – Не думаю, что вы понимаете, на что идете.

– Я получила образование, чтобы контролировать такие ситуации, – возразила она. – Скрытая камера видеонаблюдения в комнате и охрана за дверью – этого достаточно.

– Вы так думаете? – Он достал из ящика письменного стола папку. – Подойдите сюда! Я вам кое-что покажу.

Ханна подошла ближе.

Он открыл папку и вытащил фотографию.

– Так ваша предшественница Ирена Эллинг выглядела сразу после смерти.

Ханна взяла снимок. Цветная фотография на глянцевой бумаге. Рядом с головой трупа располагалась линейка, видимо, принадлежавшая криминалистам.

– Вот еще снимки. – Холландер выложил на стол несколько фотографий.

На скалах лежало распростертое безжизненное тело Ирены Эллинг с открытыми переломами рук и ног.

Ханна сглотнула.

– Я думала, моя предшественница погибла в результате

несчастливого случая.

– Она выбросилась из окна кабинета 2.07.

– Самоубийство?

– После своего последнего сеанса она осталась в помещении. Охранники подтвердили, что она была одна. Тогда на окнах еще не было решеток. Мы хотели создать благоприятную атмосферу. – Слова Холландера прозвучали язвительно. – Затем она бросилась вниз на скалы. – Он протянул Ханне еще одну фотографию. На этот раз судебно-медицинский снимок.

Левая половина лица Эллинг была полностью вдавлена. Ханна отвела взгляд.

– Да, это сделали с ней ваши клиенты, – сказал Холландер.

– Мои клиенты? – повторила Ханна. – Вы же сказали...

– А как вы думаете, почему она покончила с собой? На человека можно оказать психическое давление и довести до самоубийства. – Холландер поднялся и прошелся по кабинету. – В этом заведении я несу ответственность, и, чтобы подобных происшествий больше не было, во время сеансов психотерапии в комнате и дальше будут присутствовать двое охранников, которые смогут тут же вмешаться, если обстановка накалится.

Ханна сжала за спиной кулаки. Про Ирену Эллинг он должен был рассказать ей намного раньше, но, очевидно, Холландер предпочитал обходить некоторые вещи молчанием, чтобы не запятнать репутацию своего проекта.

Ханна покосилась на фотографии. Теперь ей стало ясно, почему она так легко получила эту работу. Очевидно, слухи о смерти Эллинг распространились в профессиональных кругах, и директор Холландер не мог найти другого психотерапевта для этой группы. Да и кто захочет работать с Питом ван Луном?

– Я разделяю ваши опасения, – снова начала Ханна. – Но я... – Она чуть было не сказала требую. – Но я прошу вас, чтобы во время сеансов терапии охранники хотя бы надевали наушники и беседы становились более или менее личными.

– По какой причине вы так упорно на этом настаиваете?

– Я тщеславна не меньше вас, что касается успеха проекта, – а для этого мне необходимо завоевать доверие группы. Директор Холландер пристально посмотрел на нее.

– Нет.

На этот раз она тоже уставилась на него.

– Полагаю, на мое место было не так много желающих. Хотите потерять меня?

– Вы хотите уволиться?

– Существуют и другие пенитенциарные учреждения с местами для практикантов.

Для Холландера этот блеф прозвучал как неприкрытая угроза. Но когда ты пять лет живешь в университетском общежитии, регулярно играешь с сокурсниками в стрип-покер и не хочешь постоянно раздеваться до нижнего белья, то на-

учишься обманывать других. К тому же Ханна изучала психологию.

Она не отпрянула, не моргнула. Тут зазвонил телефон Холландера, и ему пришлось отвести взгляд.

Он нажал на кнопку на переговорном устройстве.

– Да?

Это была Морена.

– Граф Эрих фон Кесслер на второй линии.

– Пусть минуту подождет, – рявкнул он и отпустил кнопку.

– Так что же? – не сдавалась Ханна.

Холландер взглянул на нее.

– Ладно.

– Если в комнате есть зеркало-шпион, его нужно убрать.

– Такого у нас нет.

– И если в помещении висят камеры, на которые вы записываете сеансы, их тоже нужно снять.

– Как вы себе это представляете? Их нельзя демонтировать.

– Тогда хотя бы отключите их.

Он заскрипел зубами. Но в конце концов кивнул:

– Ладно.

Ханна с облегчением вздохнула. Посмотрим, что Пит расскажет ей в следующий раз... если вообще откроет рот.

Четверг, 1 октября

Дверь открылась, и Сабина вышла из лифта. Хоровитц катился за ней в инвалидном кресле. На последнем этаже жилого дома пахло чистящими средствами. Здесь располагалось только две квартиры. Сабина перегнулась через перила и посмотрела вниз в лестничный пролет. Снейдер пешком поднимался по ступеням. Он все еще что-то бурчал в свой диктофон, но Сабина не могла разобрать ни слова.

Лишь достигнув последнего этажа, он выключил прибор и спрятал его в карман пальто.

– Это серийный убийца, – констатировал он.

Хоровитц кивнул, соглашаясь.

– Хотя до сих пор он совершил всего одно преступление? – скептически спросила Сабина.

– Мы не можем сказать этого с полной уверенностью.

– Думаете, этот случай и убийство в Дортмунде как-то?..

– Нет, я так не думаю, – перебил ее Снейдер. – Но я знаю, что он обязательно продолжит. Это только начало.

– Почему вы так уверены?

– Посмотрите на место преступления под мостом, – сказал Снейдер. – Убийца хотел унижить жертву и выставить напо-

каз. У этого поступка однозначно психологический мотив.

– Каков будет его следующий шаг?

– Если бы мы знали, – вздохнул Хоровитц. – В любом случае он продолжит воплощать в реальность свои идеи и фантазии. Мы должны подождать, что еще он нам покажет, чтобы мы смогли его лучше изучить. – Он передохнул. – А что произошло в Дортмунде?

– Ничего. – Снейдер скривил рот. – Хватить болтовни. Сконцентрируемся на этом деле. – Он указал на дверь квартиры, на которой не было таблички с фамилией. – Это ее квартира?

– Да. – Хоровитц подкатился к двери и постучал. Дверь открыл рыжеволосый мужчина, которого Сабине до этого представили как комиссара Рюти. Он выехал сюда чуть раньше, чтобы точнее проинструктировать команду криминалистов, работавших здесь уже несколько часов. На Рюти были латексные перчатки и бахилы, такую же экипировку получили от него Сабина и Снейдер.

Хоровитц первым въехал в квартиру, за ним последовал Снейдер. Он ненадолго остановился в дверях и провел пальцами в перчатке по замку. Сабина заглянула ему через плечо. Никаких следов взлома!

Затем в квартиру вошла Сабина. Значит, вот где жила директор федпола. Очевидно, Никола Висс не имела пристрастия к безделушкам. Во всей двадцатиметровой квартире с крышей-террасой не было ни одной полки с фарфоровы-

ми фигурами, никаких календарей, декоративных салфеток, чего-либо связанного или рукодельного.

Квартира была стерильной и функционально оборудованной. Зона отдыха с кожаным диваном кремового цвета и плоским телевизором, мини-кухня с барным стулом, большие мансардные окна и широкий застекленный фасад, за которым начиналась терраса с навесом. Даже на ней не было горшков с цветами. Повсюду хромированные поверхности и неоновые лампы в футуристическом стиле. Никола Висс производила на Сабину впечатление не самой домовитой хозяйки.

По пути в спальню Сабина прошла мимо стены, увешанной свидетельствами, дипломами и грамотами, и внимательно ее изучила. В этом отношении Снейдер был совсем другим. В его кабинете висела одна-единственная фотография – голландской королевской семьи, – в рамке и с персональной подписью. Похоже, больше Снейдер ничем не дорожил.

В конце стены Сабина наткнулась на фотографию Висс – в парадной полицейской форме во время церемонии награждения. Кто-то пожимал ей руку и вручал скульптуру. У Висс было узкое лицо, резкие черты, и, даже несмотря на торжественный повод, улыбалась она как-то ожесточенно. Сабина заметила, что Висс не носила обручального кольца. На трупе она его тоже не видела.

Сабина снова подумала об убитой судье из Дортмунда. Две женщины-карьеристки на высоких должностях – с од-

ним лишь отличием, что одну убили в спальне собственного дома, а другую повесили под мостом в Берне.

Дверь спальни была приоткрыта, но Сабина не вошла в комнату, потому что криминалисты как раз снимали там отпечатки пальцев с мебели.

Сабина лишь увидела, что простыня и одеяло не были смяты. Простая односпальная кровать. Возможно, прошлой ночью Никола Висс даже не входила сюда, а была похищена уже перед домом, в подземном гараже или на лестничной площадке перед квартирой. Сабина вернулась в гостиную.

Снейдер стоял перед домашним баром рядом со стационарным телефоном и нетерпеливо барабанил пальцами по стойке.

– Вы скоро закончите? – спросил он молодого криминалиста, который с помощью кисточки и магнитного порошка выявлял на кнопках аппарата отпечатки пальцев и снимал их на желатиновую пленку.

– Да, вы можете уже пройти сюда. – Мужчина сделал шаг назад и непроизвольно задел локтем бутылку в баре, которая опрокинулась и затанцевала по стойке.

Снейдер быстрым движением поймал бутылку и поставил на место.

– У вас реакция, как у железнодорожного шлагбаума.

– Извините, я думал, что за мной...

– Вы к тому же хотите втянуть меня в разговор? – напустился на него Снейдер.

Мужчина без комментариев развернулся и исчез. Сабина ненавидела, когда Снейдер приходил в ярость из-за большого количества людей вокруг. В таких случаях от него лучше было держаться подальше.

Она молча встала рядом и смотрела, как он нажал на кнопку автоответчика. Из динамика раздался отстраненно-холодный женский голос со швейцарским диалектом.

«В настоящий момент нас нет дома. Пожалуйста, оставьте сообщение. Мы перезвоним». Затем следовал гудок.

Хоровитц тоже подъехал к домашнему бару.

– Сообщения на автоответчике есть?

Снейдер помотал головой и еще раз прослушал текст. Сабина отчетливо слышала, как на заднем плане лаяла собака.

– Я полагаю, директор Висс была не замужем, и спутника у нее тоже не было, – заключила Сабина.

Хоровитц кивнул:

– Она жила одна.

– Почему тогда в приветствии для автоответчика она говорит «мы»?

– Небольшой психологический трюк. У такой женщины, как Висс, была служебная квартира с засекреченным адресом и телефонным номером. Но на случай, если кто-то выяснит, где она живет, это «мы» должно было отпугнуть возможных грабителей.

– А где собака, которую слышно на автоответчике? – спросила Сабина. – Тоже трюк?

Хоровитц кивнул.

– Когда она наговаривала текст для автоответчика, на заднем плане включили запись с собачьим лаем. Лай должен был отпугнуть сталкеров. В свое время была моя идея. Ее взяли на вооружение многие полицейские.

– Правда, это не особо помогло. – Снейдер повернулся к Рюти и щелкнул пальцами: – Эй, вы! У вас найдется три минуты?

Рюти подошел к ним.

– И даже больше, если нужно. – Он приветливо улыбался.

– Нет, не нужно. Что вы думаете насчет раны на животе трупа?

– Хм, не хотите дождаться заключения судмедэксперта?

– Именно его я ждать не хочу!

– Хорошо. Значит, главврач говорит, что...

– Не позволяйте другим думать за вас, – перебил мужчину Снейдер. – Что вы об этом думаете?

– Ну, я думаю...

Снейдер поднял руку и показал три пальца.

– Если получится – в трех кратких и четких предложениях!

Сабина отвернулась. Ей лучше уйти, иначе Снейдер взбесится. Он не проявлял никакого уважения, даже как приглашенный за границу консультант. Снейдер разделял мнение, что у убийства, не расследованного в течение двух дней, плохие шансы быть раскрытым. Разве что он им займется! Но

это обстоятельство не оправдывало хамства и стремления унижить всех и вся вокруг, что было не из Голландии.

– Куда вы направляетесь, Немез? – крикнул Снейдер ей вслед.

– На свежий воздух, от такого количества тестостерона у меня начинает болеть голова. – Она открыла дверь на террасу и вышла наружу.

Квартира директрисы находилась на восьмом этаже. Фасад старинного здания был украшен лепниной, а балконы ниже были далеко не такими современными, как у Николы Висс. Видимо, террасу на крыше достроили во время ремонта дома.

Сабина оперлась на перила и застегнула молнию куртки. С запада через Берн дул холодный ветер. Отсюда открывался чудесный вид на реку Аре, которая змейкой вилась по городу, и расположенные за ней горы. Некоторые вершины даже были белыми. Через месяц или два снег будет лежать и на крышах домов. Никола Висс уже никогда не насладится этим видом, а тот, кто въедет в эту служебную квартиру, унаследует вид на Аре и мост у нижних ворот, под которым висел труп бывшей хозяйки. Наверное, это – как и все детали убийства – также носило символический характер.

Сабина вытащила сотовый телефон и позвонила в центральный офис БКА в Висбадене, попросила, чтобы ее соединили с больницей в Хагене. Спустя минуту ожидания она услышала, как трубку передали дальше.

– Это БКА, – прошептала женщина. – Поговоришь с ними?

Наконец-то на связи была медсестра из реанимации.

– Алло?

– Добрый день, меня зовут Сабина Немез, я коллега Тины Мартинелли. Я знаю, что вы не даете по телефону никаких справок о пациентах, но я по службе нахожусь за границей и хотела только...

– Все в порядке, – перебила ее женщина. – Фрау Мартинелли предупредила меня, что вы позвоните.

Сердце Сабины подпрыгнуло.

– Она в сознании? Как она себя чувствует?

– Ну, вы сами говорите про невозможность предоставления информации по телефону, – пробормотала медсестра. – Фрау Мартинелли назвала мне ваше прозвище, которое преподаватель дал вам...

– Белочка, – тут же ответила Сабина. Это прозвучало как код в плохом фильме про агентов.

– Хорошо. – Было слышно, что женщина заулыбалась, но потом продолжила серьезным тоном: – Стиллет серьезно повредил ее легкое и едва не задел другие внутренние органы. Операция продолжалась пять часов. Ночь была достаточно критичной, но сейчас фрау Мартинелли вне опасности. В настоящий момент она спит.

У Сабины все сжалось в груди. Стиллет? Легкое? Внутренние органы?

– Спасибо, – выдавила она. – Когда она сможет покинуть больницу?

– В реанимации она останется еще как минимум на два дня, а потом будет видно.

– Спасибо. Когда она проснется, передайте ей, пожалуйста, что я звонила и желаю ей скорейшего выздоровления.

– Конечно.

Сабина положила трубку. «Вот что за проклятье! Всего пару месяцев на службе – и уже такое! Тина, во что ты там вляпалась?»

Она подняла голову, посмотрела на затянутое облаками небо и почувствовала, как ветер сушит слезы, навернувшиеся ей на глаза. Затем она убрала сотовый и вернулась в квартиру.

Снейдер, Хоровитц и Рюти по-прежнему стояли у домашнего бара и беседовали о знаке бесконечности. Очевидно, Снейдер не всегда придерживался своего правила трех предложений.

Снейдер повернул голову.

– Вы закончили свой приватный разговор? – резко спросил он. Его настроение еще больше ухудшилось.

– Как видите, да, – ответила она.

– Тогда, возможно, хотите внести свой вклад в расследование этого дела.

Сабина подошла к мужчинам.

– Нам срочно необходимо заключение судмедэксперта о

резаной ране на животе убитой, чтобы сравнить ее со следами разрезов в деле об убийстве Йоаны Бек в Дортмунде. Возможно, речь идет о похожем канцелярском ноже.

Хоровитц поднял глаза.

– Судья Бек мертва?

Четверг, 24 сентября

Ветер шуршал листвой деревьев и гнал опавшие листья по липовой аллее. Этот вид напоминал Ханне о детстве. Как раньше, когда маленькой девочкой гуляла вечерами с отцом по осеннему Амстердаму, она бежала сейчас, пиная кроссовками листву.

На Ханне были тренировочные штаны и ветровка. Маршрут ее пробежки проходил мимо маяка и вокруг острова. Теперь она вернулась на плато и как раз достигла конца аллеи. За спиной находился корпус для сотрудников, а впереди главный вход в тюрьму. Багровое солнце опускалось за облака на горизонте. Ханна могла бы поужинать в ресторанчике рядом с железнодорожной станцией. Но она не хотела есть – к тому же на сегодняшний вечер у нее были другие планы.

Она прошла мимо главного входа и свернула на узкую заасфальтированную дорожку, которая вела вокруг тюрьмы к тыльной стороне здания. Рядом с высокой кирпичной стеной росли тощие кустарники и стояли заросшие плющом мраморные скамьи. Липовая аллея и этот участок казались единственными приветливыми местами на плато скалистого острова. Ханне казалось, что повсюду за их пределами уже мно-

го десятилетий назад поселились ненависть, страх и безумие.

Она обошла старую кирпичную стену. С другой стороны была площадка для разворота и большие решетчатые ворота, за которыми начиналась зона заключенных. За высокими стенами с камерами и колючей проволокой находился внутренний тюремный двор, как она знала из флаера. Где-то в шестиэтажном кирпичном здании должны быть три этажа камер для сорока двух заключенных. С этой стороны здания решетки на окнах были массивнее, чем на фасаде. Заключенным открывался вид на внутренний двор и, через колючую проволоку, на море. Наверняка в тюрьме найдется еще место для как минимум ста заключенных, но их переведут сюда лишь после успешного завершения пилотного проекта – а это может затянуться на много лет. Как психотерапевт, она хотела внести свой небольшой вклад. Правда, находилась здесь совсем по другой причине. Но об этом никто не должен был узнать.

Ханна дошла до конца разворотной площадки и посмотрела на другую боковую сторону тюрьмы. Вдоль нее можно было бы вернуться на липовую аллею. Теоретически. Тогда она обошла бы здание вокруг. Но это было невозможно, потому что старый корпус, в котором находилась медицинская часть доктора Кемпен с бывшим изолятором, выдавался наружу. Этот корпус располагался на узком мысе, с обеих сторон окруженном скалами, что делало его практически непреодолимым – разве что кто-то был готов рискнуть и совер-

шить смертельно опасный переход по узкой гравиевой дорожке и крутым обрывистым скалам.

Ханна сосчитала окна на втором этаже. Третье справа – должно быть, кабинет доктора Кемпен. Когда Ханна находилась у нее, она видела из окна часть разворотной площадки. К тому же это было единственное окно без решетки. В комнате горел свет, но больше она ничего не разглядела.

Ханна присела на камни и вытащила из кармана куртки телефон. Ветер трепал ее волосы и охлаждал вспотевший затылок. Она нажала на кнопку быстрого набора «Дом».

После третьего гудка кто-то снял трубку.

– *Hoï, met Emma. Met wie spreek ik?*³

Эмма была ее младшая сестра. Скоро ей исполнялось девятнадцать, а она все еще жила в маленьком отеле их родителей.

Ханна тут же мысленно переключилась на родной язык.

– Как у тебя дела, малышка? – спросила она по-голландски.

– Спасибо, хорошо, – ответила Эмма. – Ты уже?..

– Да, я приехала сюда вчера утром. Все получилось.

Эмма молчала.

– Все не так плохо.

– Ты просто говоришь так.

– Нет, честно, все люди здесь невероятно милые, – лгала Ханна.

³ Добрый день, это Эмма. С кем я говорю? (нидерл.)

– Ты уже спросила, когда у тебя будет отпуск?

Ханна рассмеялась:

– Нет, но через два месяца я возьму несколько отпускных дней и приеду на выходные в Амстердам.

– Папа обрадуется. Ты знаешь, какой он... перед Рождеством.

– Да, знаю, – вздохнула она. Их отец хотел, чтобы вся семья была рядом. Она наверняка найдет время, чтобы заранее съездить на материк и купить каких-нибудь безделушек. Ханна уже знала, что привезет: копченого угря и модель парусного корабля в бутылке для отца, любекский марципан для мамы и снежный шар с маяком для сестры.

– Ты нам что-нибудь привезешь? – спросила Эмма, словно прочитав ее мысли.

– Разве я когда-либо приезжала домой без подарков? Как дела у папы?

– Как всегда в стрессе, но сезон отпусков скоро закончится. Ему тебя не хватает.

«Ему не хватает меня? Или моей помощи с готовкой и уборкой комнат в отеле?»

– Передавай привет маме и папе.

– Лучше не буду, сама знаешь, как папа относится к тому, что ты работаешь в этой тюрьме.

Сейчас она опять заведет свою шарманку. Ханне надоело спорить на эту тему.

– Ты знаешь, что я должна через это пройти.

– Да, ты уже много раз мне это объясняла, – продолжила Эмма, – но я не понимаю. Единственное, через что мы все должны пройти, – это смерть.

«Логика моей сестры!» Ханна вздохнула. Было бессмысленно продолжать эту тему.

– Просто поверь мне, – сказала Ханна. – Так будет лучше всего.

– Будь осторожна.

Ханна откинула волосы назад. Морские волны бились о скалы внизу, ветер подхватывал мельчайшие брызги и поднимал на несколько метров вверх, орошая ее лицо.

– Я и так осторожна.

– Пообещай мне.

– Обещаю.

– Я не хочу потерять еще и тебя.

Ханна увидела, как свет в окне кабинета Кемпен погас. Весь корпус находился в темноте. Солнце тоже полностью скрылось, оставив на горизонте лишь темно-фиолетовую полосу. Ханне было холодно.

– Я должна закончить разговор, – быстро заявила она. – Завтра позвоню тебе снова.

Она нажала на кнопку, сунула телефон в карман и направилась к зданию тюрьмы.

Ханна провела магнитной картой через считывающее устройство на двери больничного отделения. Затаив дыха-

ние, она ждала, чтобы лампочка на стальной двери загорелась зеленым светом.

Ничего не происходило. Черт! Считыватель мигал, и Ханна в панике уже хотела развернуться и уйти, как наконец-то вспыхнула зеленая лампочка и дверь открылась.

С грехом пополам! Ханна проскользнула в отделение и закрыла за собой дверь. Перед ней протянулся темный коридор. Когда она сделала шаг вперед, датчик движения автоматически включил потолочное освещение.

Ханна прислушалась, но в этой части здания было тихо. Она прошла по коридору, повернула направо и остановилась перед кабинетом доктора Кемпен. За матовой стеклянной дверью было темно. Ханна нажала на ручку. Заперто. Чего и следовало ожидать.

К счастью, это был старый замок. Она достала из кармана отмычку, согнула два конца проволоки и просунула их в замочную скважину, мимо пазов для бородки ключа. За время учебы в университете она потеряла сноровку. А в детстве регулярно тренировалась открывать двери гостиничных номеров – что ей прекрасно удавалось, – и вместе с Эммой они тайно проникали в комнаты, где играли в «богатую семью на отдыхе».

На этот раз потребовалось несколько попыток, прежде чем получилось сдвинуть задвижку, и дверь наконец открылась. Она оставила отмычку в замке, чтобы суметь быстро запереть дверь, если понадобится.

Ханна вошла в кабинет и прикрыла за собой дверь. Было безумием так спешить уже на второй день, но зачем ждать? На карьеру ей все равно было наплевать, потому что она не собиралась заниматься этим всю жизнь. «Давай же! Ты ждала этого пять лет. Ты должна найти ответ!»

Она быстро пересекла комнату и включила лампу на письменном столе. Никто не заметит свет в кабинете доктора Кемпен – разве что она сама окажется на разворотной площадке и посмотрит на старое здание, как Ханна двадцать минут назад. На всякий случай она опустила жалюзи.

Затем села в кожаное кресло доктора Кемпен и выдвинула ящики обеих массивных тумбочек из алюминия, которые стояли слева и справа под письменным столом. Врач даже не потрудилась запереть их. Слава богу, потому что, будучи ответственной за безопасность этого учреждения, она наверняка хранила где-то здесь уголовные дела всех клиентов – она ведь покосилась на свой письменный стол, когда Ханна спросила ее об этом.

В одном из ящиков Ханна наткнулась на деревянную шкапулку с ключами. Увесистые, с брелоками, пронумерованными от I-01 до I-10. Неужели это ключи от старых камер в изоляторе? Если да, то они остались еще с тех времен, когда «Штайнфельз» был психиатрической больницей и не имел магнитных замков на дверях.

Ханна задвинула ящик и открыла один из подвесных алюминиевых шкафчиков. Там действительно находились дела

– на обложках папок стояли номера от одного до сорока двух. Ханна наугад открыла одно досье и увидела фотографии изуродованных молодых мужчин. Это и есть уголовные дела! Она быстро захлопнула папку. Быстро нашла номер 23, вытащила и положила перед собой на стол.

На первой же странице она увидела лицо Пита ван Луна. На пять лет моложе, но уже тогда в его глазах читались безумие и расчетливый ум. За фотографией лежал диск в прозрачном файле. На нем черным фломастером было написано – резервная копия, ниже – дата. 1 августа этого года. День, когда ее предшественница выбросилась из окна на скалы.

Ханна прикинула, не лучше ли будет стащить всю папку и спокойно изучить ее у себя в комнате. Но если доктору Кемпен понадобится заглянуть в документы, она тут же заметит пропажу. К тому же неизвестно, повезет ли Ханне еще раз, когда она захочет вернуть папку. Лучше прочитать все здесь и затем исчезнуть из кабинета.

Она пролиستала дальше и добралась до полицейских протоколов и заключений судмедэксперта. Многие пассажи были вымараны. Очевидно, доктором Кемпен и, вероятно, по причине конфиденциальности. Фотографии жертв и мест совершения преступлений полностью отсутствовали, как и показания очевидцев или признание Пита ван Луна. Ханна надеялась на большее. Разочарованная, она читала те немногие оставшиеся пассажи, которые не сообщали ей ничего нового о Пите ван Луне.

Пять лет назад за пару месяцев он жестоким способом убил нескольких женщин. На теле своих жертв он всегда вырезал какую-то букву. И за это СМИ прозвали его Неучем. Но Ханна не нашла никакой информации, что это были за буквы. Если бы журналисты догадывались, что у Пита ван Луна IQ 158, то придумали бы для него другое прозвище. Возможно, Библиотекарь. Ханна листала дальше. Удивительно, но она не нашла никаких свидетельств о том, что Пит подвергал своих жертв сексуальному насилию, как писали все газеты.

К одному из протоколов была приложена копия газетной статьи пятилетней давности, в которой говорилось, что Пит ван Лун был схвачен полицейским аналитиком, специалистом по случаям похищения людей и судебным психологом-криминалистом Мартеном С. Снейдером, который предотвратил очередное убийство молодой женщины. Снейдер лично наблюдал за этапированием Пита ван Луна в тюрьму строгого режима «Штайнфельз». И эта газета тоже писала: «наильник Пит ван Лун».

Почему они так решили? Ни в полицейском протоколе, ни в судебно-медицинском отчете Ханна не нашла ни одного доказательства.

В конце она наткнулась на заключение судебного психолога, которая много занималась психическим состоянием Пита ван Луна. В этом отчете она все-таки нашла фотографии первых двух жертв, которых обнаружила полиция. Женщи-

нам было около двадцати, с длинными светлыми волосами и очень красивыми чертами лица.

На фотографиях с места преступления было хорошо видно, что на груди у одного трупа каким-то острым предметом была вырезана буква N, а у другого трупа – D. Никакой крови. Видимо, это произошло уже после смерти.

Наверное, судебный психолог использовала обе фотографии в качестве наглядного материала, чтобы подкрепить свою теорию, что Пит ван Луна необходимо направить в тюрьму для психически больных преступников.

Правда, в этом отчете Ханна не встретила ни одной из жутких деталей, характерных для серийных убийц. Здесь не было ни слова об ужасном детстве, поджогах, ночном энурезе, издевательствах над животными или о том, что ребенком Пит на протяжении многих лет подвергался сексуальному насилию со стороны кого-то из родственников. Ничего такого не было. Вообще-то из Пита мог получиться образцовый отец семейства. За исключением того, что родители развелись, когда Питу было пять лет, Ханна не нашла ни одного намека на неблагополучное детство. Какая же сложная штука человеческая психика – и что могло спровоцировать аномальное поведение? Судебный психолог видела причины не в детстве, воспитании или влиянии общества, а исключительно в необыкновенно высоком уровне интеллекта Пита – отчасти унаследованном, отчасти проявившемся как побочный эффект медикаментов, о которых уже упоминала

доктор Кемпен. А Пит ван Лун не научился правильно им распоряжаться. Этот стресс годами накапливался и компримировался, как в камере высокого давления, и в результате привел к агрессии, которая нашла единственную отдушину – жестоко убивать и калечить людей.

«Какая чушь, – подумала Ханна. – Это означает, что все вундеркинды и нобелевские лауреаты латентные серийные убийцы. И кстати: что это заключение делает в полицейском отчете?»

Она пробежала глазами текст до конца, но и здесь не встретила ни одного свидетельства о том, что Пит ван Лун изнасиловал своих жертв, прежде чем раздробить их тела молотком и вырезать на коже буквы.

Напоследок Ханна нашла фотографию самой первой жертвы Пита ван Луна, с которой все началось, но которую обнаружили последней: его тогдашняя подруга Сара. Убийство произошло в Роттердаме, чуть больше пяти лет назад, восьмого июня. Сара была привлекательной молодой женщиной – и Пит убил несчастную в день ее рождения. Ханна задумчиво провела пальцами по фотографии. Какой же красивой была Сара!

Тихое пиццание заставило ее встрепенуться. Это был звук магнитного считывателя на входе в больничное отделение. Тело Ханны словно одеревенело. Послышалось шелканье замка.

Твою мать!

Она быстро пролистала в начало, инстинктивно вытащила из файла диск, сунула его в карман куртки и поставила папку в подвесной шкафчик. *Надеюсь, она стояла на этом месте.* Но сейчас Ханну беспокоило другое. Она должна была как можно скорее покинуть кабинет доктора Кемпен.

Через матовое стекло двери она увидела, как в коридоре зажегся автоматический свет. Слышала голоса, но не могла понять, кто говорит. Тут зазвонил телефон, и Ханна вздрогнула. Рингтон доносился из коридора.

Who let the dogs out, woof, woof...

Сотовый доктора Кемпен!

Врач ответила на звонок, но произнесла одно лишь предложение, которое Ханна с трудом разобрала.

– Подойду позже... я сейчас в больничном отделении. – Кемпен закончила телефонный разговор и продолжила прерванную беседу.

Теперь Ханна расслышала, что врач разговаривает с молодым мужчиной. Они направлялись к кабинету. Может, спрятаться в кабинете? Нет, какая идиотская идея! Кемпен обнаружит ее, а директор Холландер немедленно уволит. Она должна придумать, по какой причине находится здесь.

Недолго думая, она положила указательный палец левой руки на металлический край открытого ящика. А затем со всей силы задвинула ящик. Звук был глухой, но ноготь прищемило так сильно, что Ханна чуть не вскрикнула от боли. Она стиснула зубы, высвободила руку из ящика, закрыла его

и побежала к двери. От боли на глаза навернулись слезы. Она быстро выключила свет и вышла в коридор.

За углом уже были слышны шаги доктора Кемпен. Ханна закрыла дверь и, стараясь не обращать внимания на пульсирующую боль в указательном пальце, обеими руками ухватилась за отмычку. Черт! Ламели! Она забыла поднять жалюзи. Но сейчас было уже поздно. Кроме того, никак не получалось запереть чертов замок. Ее ладони вспотели, и отмычка едва не выскользнула из пальцев.

«Ну же, дрянь, закрывайся!»

Она пыталась сморгнуть пелену слез, чтобы лучше видеть. Проклятье!

В любой момент доктор Кемпен появится из-за угла, увидит ее, отчитает как школьницу и, вероятно, пригрозит сообщить в полицию. Но пока что она разговаривала с мужчиной с высоким голосом, которого Ханна не знала.

– Я люблю готовить с красным вином, – сказал он.

– И иногда проливаешь его в пищу? – поддела Кемпен.

– Я...

– Послушай, я не буду накладывать тебе на рану ни мазь, ни порошок. Лучше всего помогает холодная вода. Затем ты получишь обезболивающее и стерильную повязку. Ночью рана немного намокнет. Ты прививался от столбняка?

– Да.

– Хорошо, я...

Наконец-то задвижка в замке щелкнула. Только Ханна вы-

тащила отмычку из замочной скважины, как из-за угла появилась доктор Кемпен. Она замерла на месте и с недоверием уставилась на Ханну. Рядом с врачом стоял молодой мужчина в кухонном фартуке. Тыльная сторона его правой руки и запястье были багровые, словно он обжегся на кухне кипящим маслом.

– Хорошо, что я вас встретила, – выпалила Ханна. – Я уже решила, что вы уехали с острова вечерним поездом, потому что ваш кабинет заперт.

– Что вам здесь нужно?

Ханна показала ей палец. Тот пульсировал как сумасшедший. За это время палец успел опухнуть, а ноготь посинел. Можно было и полегче задвинуть ящик. Но в той спешке!

– Вы сломали ноготь? – спросила Кемпен.

Ханна сохраняла спокойствие.

– Если бы. Я прищемила палец дверью шкафа у себя в комнате. У вас не найдется аспирина и пузыря со льдом?

Кемпен недоверчиво оглядела Ханну. Затем ее взгляд упал на другую руку Ханны, которую та сжимала в кулак – в нем все еще была спрятана отмычка. Только бы Кемпен и молодой повар не решили поприветствовать ее за руку.

– Похоже, сегодня не лучший день для новичков, – произнесла Кемпен. – Пойдемте в процедурную.

Час спустя Ханна лежала в своей кровати. У нее оказался ушиб кости. На пальце была повязка с раствором арники, и

Кемпен заверила ее, что через день-два ноготь отпадет. Пока что Ханна подложила под палец с повязкой полотенце, а сверху пузырь со льдом.

Таблетки, которые дала ей Кемпен, постепенно начинали действовать, и пульсирующая боль утихала. И ради чего все это?

На коленях у Ханны лежал ноутбук, CD-проигрыватель жужжал. На диске, который она стащила, был сохранен единственный видеофайл продолжительностью около часа. Очевидно, запись последнего сеанса Ирены Эллинг с ее тремя клиентами, Осси, Виктором и Питом, прежде чем она выбросилась из окна. Если это резервная копия, значит, где-то должен быть и оригинал. И на вопрос, почему запись находилась именно в папке Пита ван Луна, могла ответить, наверное, одна доктор Кемпен.

Судя по углу обзора камеры, штатив должен был располагаться напротив входной двери – очевидно, автоматическую систему наблюдения установили в помещениях для сеансов психотерапии лишь после несчастного случая с Иреной Эллинг. На записи было видно, что окна в кабинете 2.07 еще не зарешечены, как Холландер и объяснял Ханне. Однако от присутствия охранника с дубинкой и тазером уже тогда не отказывались.

Звук на видео был отвратительным. Ханна понимала лишь половину, но улавливала суть и была в ужасе. Речь шла об электрошоковой терапии и оглушении – методах, которые

применялись в психиатрических клиниках пятьдесят лет назад.

Ханну также раздражал тот факт, что ее предшественница была на «ты» со своими клиентами. Сначала Ханна решила, что ослышалась, но потом уже не сомневалась. Осси произнес «Ирена» и «ты». И Ирену Эллинг это нисколько не смущало, хотя в профессиональной среде такая фамильярность под абсолютным запретом – тем более между психотерапевтами и заключенными.

Когда сеанс был окончен и клиенты засеменили в кандалах к двери, изображение внезапно стало темным. Кто-то подошел к камере. Картинка дернулась. Ханна услышала, как нажали на кнопку видеокамеры, после чего запись оборвалась. Несколько секунд экран мерцал, затем изображение вернулось, хотя и со слегка смещенным углом обзора. На протяжении десяти секунд была видна только пустая комната. Ветер раскачивал занавеску, на полу лежали осколки, оконный переплет вместе со стеклом был выломан из рамы. В конце на заднем плане раздался звук захлопнувшейся двери. На этом видео закончилось.

Четверг, 1 октября

Сабина и Снейдер следовали за Хоровитцем по пешеходной улице Берна, пока тот не остановил свое инвалидное кресло перед отелем «Альпенблик».

– Ничего себе! – удивилась Сабина. – Нас поселили сюда? Хоровитц улыбнулся.

– Чтобы вы видели, на что тратятся деньги наших налогоплательщиков. – Затем обратился к Снейдеру: – Если Рюти сделал все правильно, то на ваше имя забронированы два номера. Мне нужно кое-что уладить. Встретимся позже в фойе. – Он развернул свое инвалидное кресло.

– Что вы собираетесь делать? – спросила Сабина.

Он бросил на нее быстрый взгляд через плечо:

– Кормить голубей, – и покатился по булыжной мостовой прочь.

Сабина посмотрела на Снейдера.

– Он это серьезно?

– Боюсь, что да.

Гостиничный номер был высшего класса. Гардеробная, ванна джакузи, впечатляющий мини-бар с мягкой подсвет-

кой и плоский телевизор размером с футбольное поле. Вообще-то бесполезные в ее случае удобства, потому что у Сабины вряд ли будет возможность воспользоваться всем этим. Но она рассматривала такие излишества как компенсацию за то, что не проведет выходные с сестрой. О господи, ей же нужно еще позвонить.

После горячего душа она вышла в банном халате и гостиничных тапочках на балкон. Холодный воздух освежал. У Сабины было еще сорок пять минут до встречи со Снейдером, Хоровитцем, Рюти и прокурором Бергером в фойе гостиницы.

На комодке рядом с балконной дверью она подключила переносной принтер с ресепшен к своему ноутбуку. До этого через Wi-Fi отеля она вошла в архив висбаденского БКА. Связь была не очень, но спустя какое-то время Сабина получила доступ к материалам убийства в Хагене. Пока принтер с треском печатал страницу за страницей, она оперлась на балюстраду и смотрела на старый город.

В какой-то момент она подумала о крыше-террасе убитой Николы Висс. Отсюда тоже открывался неплохой вид. Номер Сабины находился на четвертом этаже, но она могла видеть пешеходную улицу до самой реки Аре и моста у нижних ворот. Внизу под балконом проходили местные жители и туристы. На одном лишь этом участке улицы стояло пять отелей с развевающимися на ветру швейцарскими флагами. «Белый крест на мертвом фоне», – подумала она. Черт!

Сабина невольно рассмеялась. Она сейчас правда подумала «мертвом»?

Откуда-то донесся звон церковных колоколов, и голуби вспорхнули в небо. Солнце скрылось за крышами домов. Быстро похолодало, Сабина зябла. Но все равно осталась стоять на балконе. Она вытащила сотовый из кармана халата и набрала номер своей сестры в Мюнхене.

– Тетя Бина! – закричал детский голос в трубке после первого же гудка.

– Фиона, ты еще не спишь? – с наигранным возмущением спросила Сабина.

– Мне десять!

– Да, и уже така-а-ая большая! Твоя мама поблизости?

– У нее ночная смена. Длинная ночь музеев. За нами присматривает дедушка.

– Ну, тогда вам повезло. – Сестра Сабины воспитывала детей одна, но их отец был уже на пенсии и после смерти матери специально переехал в Мюнхен, чтобы помогать дочери справляться с тремя бандитками.

– Конни тоже рядом, подожди, я включу громкую связь, – прошептала Фиона.

Сабина услышала щелчок.

– Привет, тетя Бина! – закричала Конни.

– Тише! – прошипела Фиона.

– Дай, дай мне.

– Почему вы разговариваете шепотом? И где Керстин? –

спросила Сабина.

– Она уже спит. У нее температура. Лежит в кровати с бабушкой.

Семилетняя Керстин была самая младшая из трех племянниц Сабины. Видимо, бабушка читал ей перед сном и сам заснул.

– А вы чем там занимаетесь? – спросила Сабина.

– Смотрим телевизор. Бэтмена.

– Правда? А вы еще не слишком малы для этого?

– Тетя Бина! К тому же это «Лего Бэтмен», так что нет причин для паники.

– Прости, пожалуйста, моя взрослая. – Сабина рассмеялась. – Бабушка почитал вам перед сном?

– Да, сказку. Скукотища. Твои истории намного лучше, – заныла Фиона. – Когда ты снова расскажешь нам о своих заданиях с приборами ночного видения и пуленепробиваемыми жилетами?

Пока принтер в комнате трещал и продолжал выплевывать страницы с цветными фотографиями, Сабина понизила голос.

– Слышите? – Она протянула руку с телефоном в комнату и немного подождала.

– Да, – прошептали обе девочки. Судя по звуку, они прижались щека к щеке к телефону.

– Это вертолет. Я только что прилетела на нем в Берн. Меня запросила сама президент Швейцарии. Сложный случай,

который могу раскрыть только я.

– Ого, круто! Тебе нужна наша помощь?

– Возможно. Поэтому я и звоню. Я уже поговорила со своим шефом, что мне необходима поддержка команды. Мы подготовили для вас новехонькую экипировку. Три рации с гарнитурой, тепловизоры и спасательный гидротеплоко-
стюм.

– Ого, круто! – снова закричали они. – И собаки-ищейки тоже будут?

– Лучшие баварские горные гончие! – Сабина улыбнулась. Такими историями – к огромному возмущению сестры – она начала развлекать своих племянниц уже много лет назад, когда еще расследовала небольшие правонарушения в Мюнхене. Керстин, Конни и Фиона обожали ее рассказы.

Сабина поболтала с ними еще немного, потом перешла на серьезный тон.

– К сожалению, я должна сообщить вам кое-что грустное.

– Президент Швейцарии была ранена?

– Нет, к счастью, нет.

Хихиканье на другом конце прекратилось.

– В эти выходные я не смогу взять отпуск и приехать к вам.

– О, из-за этого случая? – разочарованно спросили девочки.

– Да, – вздохнула Сабина. Она подумала о президенте Хессе, который тоже не смог отправиться в заслуженный от-

пуск в своем загородном доме. А то, что распространяется на него, тем более распространяется на его сотрудников, с горечью подумала она. — Но завтра я вам снова позвоню, обещаю! Желаю Керстин скорейшего выздоровления, и поцелуйте ее от меня завтра утром.

— Дедушку и маму тоже?

— Маму да, а дедушку не надо, он это не очень любит.

— Неправда, очень даже любит!

Сабина заулыбалась.

— Хорошо, тогда и деда тоже.

Она положила трубку. Тем временем принтер замолчал. На балконе уже стало слишком холодно. Сабина вернулась в номер, закрыла дверь и забрала стопку листов из принтера. Села за письменный стол, включила торшер и разложила распечатки перед собой.

На протяжении двух лет в академии они с коллегами под руководством Снейдера разбирали нераскрытые дела. Некоторые им даже удалось расследовать. Это убийство они должны раскрыть!

Случаем занималась Тина Мартинелли. Два дня назад судебный психолог доктор Ашенбах бесследно исчезла по дороге домой после вечернего брифинга в Хагенской тюрьме. Незадолго до этого она разговаривала по телефону со своим мужем, но, когда в одиннадцать вечера она так и не появилась дома, муж подумал о похищении. Поэтому тут же подключили БКА. Тина полетела в Хаген и начала расследова-

ние вместе с местными коллегами-криминалистами. Многие следы оказались бесполезными, но один вел к замку Хоэнлибург. Сабина знала этот замок – старую крепость с музеем и ходом по внутренней стороне крепостной стены, – здание располагалось на возвышенности с великолепным видом на гору и городской район Хоэнлибург. Иногда в Музее холодной прокатки проходили экскурсии или в старинном рыцарском зале – вечеринки-расследования. Однако в ночь на среду, 30 сентября, там произошло настоящее убийство.

Преступник заткнул похищенной женщине рот кляпом, а затем в два часа ночи, еще живой, отрубил топором ноги по бедра. Согласно медицинскому заключению, жертва потеряла сознание после первых ударов и несколько минут спустя истекла кровью. Ноги до сих пор не нашли. Туловище трупа было насажено на один из двух деревянных брусьев во внутреннем дворе замка. Обычно эти брусья соединялись поперечной балкой, с которой в крепостной колодец спускали ведра. Сабина предположила, что ноги убитой лежат на дне колодца, но и там их не обнаружили. Видимо, преступник забрал их с собой в качестве трофея.

Какой извращенец!

Описание преступления звучало жутко. Фотографии были еще ужаснее. Сабина открыла бутылку минеральной воды из мини-бара и принялась изучать снимки. Место преступления напоминало о средневековых казнях. Под блузкой жертвы криминалисты нашли еще следы. На снимках спины

крупным планом Сабина увидела, что лопатки женщины были окрашены в красный и синий цвет. Между ними на шейном отделе позвоночника была выжжена, вероятно сигаретой, буква S.

S как Schloss Hohenlimburg?⁴ Или S как Schlampe?⁵

И что означают эти цвета? Красный – синий. Существовали сотни вариантов. Подозрения в убийстве падали, в первую очередь, на несколько десятков преступников, которым доктор Ашенбах на протяжении своей карьеры составила психологическое заключение и которые уже успели выйти на свободу.

Судя по материалам уголовного дела, Тина Мартинелли хорошо поработала. Хотя она и не смогла предотвратить убийство, но схватила преступника в ту же ночь на месте после совершения преступления. Это и оказалось ее злым роком. Теперь она лежала в реанимации.

Сабина сложила листы и набрала номер Хагенской больницы. Вообще-то она хотела лишь справиться о состоянии

⁴ Замок Хоэнлиббург (нем.).

⁵ Шлюха (нем.).

здоровья Тины, но та же медсестра, с которой Сабина разговаривала два часа над, сказала ей, что Тина как раз проснулась.

– У нее есть телефон в палате? – спросила Сабина.

– Нет, ей необходим абсолютный покой, но я... Знаете, что? Я дам вам номер своего сотового, – предложила медсестра. – Позвоните мне через минуту. Я буду в палате фрау Мартинелли. И вы сможете с ней поговорить, но только одну минуту, согласны?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.